

АЛЕКСАНДР РОМАНОВСКИЙ

**ВЫСШАЯ ЛИГА
УБИЙЦ**

Александр Георгиевич Романовский

Высшая лига убийц

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139353
Высшая лига убийц: Лениздат, «Ленинград»; 2006
ISBN 5-289-02294-5, 978-5-9942-0584-6

Аннотация

Далекое будущее. Человечество расселилось на сотни световых лет – от края до края Млечного Пути. Познало чудеса науки, бездушие инопланетного разума и войны, сотрясающие сотни планет. Блистающее сердце Империи холодно и спокойно, но на дальних рубежах живут по законам Дикого Запада. Выживает лишь самый жестокий, быстрый и сильный. По галактическим трассам мчатся торговцы, старатели бурят астероиды, караулят жертвы кровожадные, совсем не благородные пираты. Охотники за головами – единственная опора Закона. Один из них – Блейз, по прозвищу Громобой. Он знал, что рано или поздно ему предстоит вступить в схватку с самым опасным преступником Галактики, за которого – живого или мертвого – назначена баснословная награда. Эти двое – высшая лига, куда не берут новичков.

Погоня начинается...

Александр Романовский

Высшая лига убийц

«Стрелок встал на ноги и огляделся. И посмотрел он на свет, и увидел, что свет – это хорошо».

Стивен Кинг, «Стрелок».

«Говорят, что он никогда не спит, глаза его ярче сверхновой, а криком своим он может сровнять горы с землей.

Звать его Сантьяго».

Майк Резник, «Сантьяго».

Пистолет, зажатый в руке, не смолкал ни на миг. Казалось, гангстеры сами лезут под пули. Один, другой, третий... Свинцовые пчелы впивались в беззащитные тела, разрывали жилеты, защищавшие от лазеров, но неспособные совладать с кинетической энергией, окружающей пули.

Стрелок, однако, был далек от того, чтобы палить направо. Сознание Блэйза избирало цели с бесстрастным расчетом, присущим машинам. Стрелок сохранял хладнокровную сосредоточенность, ведь он работал. Без обид, парни, ничего личного... Просто вы оказались в неподходящий час, в неподходящем месте. Блэйз не произнес, и, пожалуй, не думал ничего подобного. Не испытывал жалости, спуская курок, не колебался. Эти клоуны сами напросились. В кон-

це концов, они оказались настолько глупы, что состояли в охране Одного Из Самых Мерзких Ублюдков, какого Блэйз (впрочем, не он один) видел в жизни.

Главная – и, вероятно, последняя – глупость заключалась в том, что они не сообразили бежать, куда глаза глядят, едва стрелок достал оружие. Гангстеры выхватили бластеры, и, о горе им, кинулись защищать босса.

К счастью, это оказались не лучшие охранники, каких упомянутый шеф мог бы нанять (вероятно, по причине врожденной скупости, ставшей притчей во языцех – теперь-то он наверняка об этом пожалел). На безопасности не стоит экономить, лучшим доказательством чему служили лазеры, бестолково мелькающие в обход главной цели. Смертоносные лучи вскипятили выпивку за стойкой бара, прожгли портьеры, и, наряду с ними – двух-трех посетителей. Впрочем, пару раз лазеры сверкнули в считанных сантиметрах от Блэйза. Да, что ни говори, он избрал чрезвычайно опасную профессию.

Стрелок прыгал, кувыркался и уклонялся. Пистолет раз за разом изрыгал гром и пламя. Каждая пуля летела точно в цель. Ни один выстрел не был растрочен попусту. Головорезы, один за другим, падали на пол: кто с простреленным черепом, кто с продырявленным жилетом противобластерной защиты... В какой-то степени это походило на бойню. Самому Блэйзу было недосуг употреблять метафоры, но этим занялись посетители, забившиеся в укромные уголки.

Какие-то минуты спустя они обменяются тревожными суждениями, ну а пока... оставалось дрожать и молиться.

За годы форсированной практики стрелок усвоил, что, рано или поздно, патроны заканчиваются. Тогда как батареи бластера хватает на полсотни зарядов. Именно это, собственно, происходило с Блэйзом и окружающим.

Курок клацнул о боек. В ответ – предательская тишина. Ни огня, ни грома.

Выругавшись, стрелок сунул пистолет в кобуру. Да, у него были патроны, но менять обойму означало почти немедленно проститься с жизнью. Да, у него был второй пистолет, но пускать его в дело означало истратить страховку, и, возможно, проститься с жизнью немногим позднее. Ни тот, ни другой вариант не устраивал Блэйза. Телохранителей оставалось не меньше дюжины: прижимистый босс, по-видимому, рассчитывал подавить противника количеством, а не умением.

Что ж, выбора нет. Эти мысли пронеслись за одно неуловимое мгновение, когда рука – опередив с решением хозяйина, – уже тянула наружу содержимое ножен. Пальцы привычно сомкнулись на рукояти. Лезвие было длинным, чуть искривленным, заточенным до бритвенной остроты. Блестящий клинок (выплавленный, по рассказу торговца, в жерле вулкана; Блэйз не поверил, но сталь и впрямь оказалась отменной) отражал разноцветные лучи. Казалось, сколь бы эффектно нож ни смотрелся, защиту от лазера он представлял смехотворную. Однако, Блэйз представлял до мельчайших

деталей, что ему следует сделать.

Противников слишком много, и они вооружены. Именно в этом, как ни странно, заключалась их слабость. Вместо того, чтобы рассредоточиться – по крайней мере, попытаться, потому как размеры заведения не предполагали масштабных маневров, – они столпились дружной, но весьма уязвимой гурьбой. Толкались и всячески, хотя и непреднамеренно, друг другу мешали. Более того, некоторые опасались пускать в ход оружие: их коллеги так спешили занять лучшую позицию, что, даже не подозревая о том, оказывались на линии огня. Было очевидно, что многие охранники держат бластеры едва ли не впервые в жизни.

Блэйз чувствовал себя волком, проникшим в курятник.

Перехватив нож, он прыгнул на ближайший стол, и, словно с трамплина, рухнул в гущу бестолкового стада. Кривое лезвие начало жатву. Стрелка окружили кричащие рты, судорожно машущие конечности, животы и грудины, вспоротые ножом, но, как правило, пронзенные смертоносными лучами... Блэйз врезался в толпу, уподобившись торпедe. Винт вращался на бешеных оборотах. Животы, глотки, подмышечные впадины...

Безумная, неистовая карусель. Должно быть, со стороны стрелок казался разъяренным демоном – воплощением ярости – быстрым и неуловимым, скалящим клыки, разящим стальным жалом. Казалось, он находился в нескольких местах одновременно; наблюдатели тщетно пытались уследить

за его перемещениями. Вот Блэйз ЗДЕСЬ, выдирает нож из-под ребер очередного бедолаги; вот Блэйз ТАМ, погружает клинок в чье-то горло; вот Блэйз снова ЗДЕСЬ, неуловимым движением разрезает сухожилия...

Каждое движение продолжало предшествующее, и, соответственно, начинало последующее. Стрелок не колебался, не думал над выбором цели. Так действует... стихия. Безжалостная и непоколебимая.

Кровь взлетала багровыми струями. Несколько угодили Блэйзу в лицо – он прищурился, чтобы уберечь глаза, и продолжил работу. Неожиданно что-то привлекло его внимание. Что-то НЕ ТАК. Слева по борту образовалась пустота.

И точно. Несколько охранников сбились в кучку на расстоянии нескольких метров. Слишком далеко. Брали бластеры наизготовку. Определенно, не успеть.

Блэйз бегло осмотрелся. Вот оно. Квадратная выпуклость на ближайшей стене. Взгляд уцепился за нее, точно утопающий – за спасательный круг. Глаза знали, что искать, и сигнализировали мозгу. Повторять не требовалось.

Стрелок размахнулся, и что есть силы швырнул нож, метя в означенную выпуклость.

Есть! Клинок наполовину вошел в крышку. Брызнули искры. Что-то затрещало. Мелькнул синий разряд. В баре потемнело, затем освещение выровнялось. Но исчезло что-то другое, что люди принимали как должное, оказываясь в неизменном недоумении, когда это нечто куда-то девалось.

Надпись на выпуклости гласила: «ИСКГРАВ». Что значило – искусственная гравитация.

А как все чинно начиналось!..

Блэйз вошел в бар, раздвинув створки двери. Они крепились к косякам пружинами, и сразу же смыкались, стоило их отпустить. Глазам потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к смрадному полумраку салуна.

Посетители притихли, обернувшись, как по команде, к двери. Отложили стаканы, карты, кости (и прочие атрибуты азартных игр, родившихся на доброй дюжине миров Обитаемой Вселенной). Глаза – о, здесь присутствовали разнообразные органы зрения, воплощавшие как антропоморфическую сущность обладателей, так и не вполне таковую: фасетчатые буркала, объективы, радары, шарики на усиках, большие черные провалы... – глаза, все как один, воззрились на вошедшего.

Блэйз, впрочем, чувствовал себя вполне свойски. Вероятно, это тысячный портовый кабак, где ему довелось побывать, или что-то около того. И везде – одно и то же. Физиономии – лица, волосатые морды, слизистые рыла, больше похожие на грибковую плесень, – другие, но суть не менялась. В таких местах собиралась та же портовая шваль, будто затхлый климат более всего подходил для их жизнедеятельности.

Грабители, пираты, контрабандисты, сутенеры, воры всех пород и мастей, убийцы, работорговцы, скупщики крадено-

го, спецы по подделкам, и прочие, прочие. Эта публика собиралась, чтобы обсудить-провернуть свои темные делишки. Кто-то объявлен вне закона на той или иной планете, еще меньше – в розыске. В Межпланетном состояли единицы. Костлявые рыбешки, что плавают на мелководье, почти несъедобные... Чтобы худо-бедно пожить, нужно забрасывать сеть, и грести чохом. Но у Блэйза не было ни времени, ни охоты на сумбурную деятельность.

Он забрел в бар отнюдь не случайно.

Как стрелку стало известно, именно здесь обретался некто более крупный. Жирная, толстая рыбина, изведавшая многие глубины. Настоящая добыча. Блэйз понял, что осведомитель не подвел. Дело за малым.

Вскоре завсегдатаи утратили к вошедшему интерес. Вернулись к беседам, играм и выпивке. Отовсюду доносились залповые раскаты хохота – или тех невообразимых звуков (бульканья, кваканья, лаянья...), что заменяли Иным смех. На Блэйза не глядели даже те, что находились в непосредственной близости. В их безразличии проступало что-то фальшивое. Блэйз знал в этом толк. Всякий раз волна интереса сменялась показным равнодушием.

Причина у всех одинакова. Небезопасно тарашиться на высокого мужчину, чистокровного homo sapiens без имплантантов и генетических модификаций, что без опаски перемещается по космической гавани, небезопасность коей сомнительно восполнялась дешевизной ее доков. Взгляд посетите-

лей находил в облике незнакомца все новые и новые детали, ответственные за столь рисковое поведение. Вероятно, каким-то внутренним чутьем некоторые особи понимали, что два пистолета, покоящихся в кобурах на поясе гостя, имеют к его спокойствию и неторопливой походке самое прямое отношение. И вообще – парень производил впечатление человека, что долго не раздумывает, прежде чем выбить из кого-то мозги. Оружие он наверняка использовал при первой же возможности, проявляя при этом изрядную сноровку. Но и руки Блэйза – грубые, покрытые шрамами, с длинными сильными пальцами, – и сами, в некотором роде, являлись грозным оружием.

Однако, даже если все это не впечатляло какого-либо забияку, он, рано или поздно, наткнулся на взгляд незнакомца. Оный взгляд имел твердость и консистенцию кувалды, надолго пригвождая драчуна к стулу, который тот вознамерился покинуть. Эксцессы затухали сами собой, так и не появившись на свет, ибо являлись мертворожденными.

Некоторые посетители, посвятившие разглядыванию визитера больше времени, нежели прочие (по глупости, из праздного ли любопытства – не столь важно), приходили к одному и тому же закономерному выводу.

По здравом размышлении, профессия гостя не оставляла места для сомнений. Это не преступник, хотя черта пролегла слишком близко (и в любой момент могла быть нарушена – как, очевидно, случалось не раз). Нет, сегодня он сто-

ял на стороне Закона, а вовсе не ВНЕ. Тем не менее, признаками законопослушности выступал не накрахмаленный воротничок, не патетичное выражение лица... Большинство громких преступлений совершались людьми в белых воротничках, с торжественно-серьезными минами. Это были хищники, но пищевые предпочтения стрелка также не отдавали травой. Волк волка чует за версту.

Парень родился хищником, на род же его деятельности повлиял господин Случай. Он мог стать злодеем, слава о котором гремела бы от края до края Галактики; мог брать на абордаж торговые суда, грабить банки, получать баснословные суммы за заказные убийства... Вместо этого, по причинам, известным ему одному, Блэйз встал на защиту Закона. Не исключено, оттого, что охотиться на безобидных млекопитающих не представляло интереса. Он преследовал зверей, обезумевших от крови. На преступников, над снимками которых стояла жирная черная надпись: «WANTED. Живым или мертвым».

Эти слова притягивали стрелка, подобно изысканному аромату. Несли в себе вызов. Вершина, которую предстояло покорить. Злодеяние, возведенное в Закон.

Блэйз Троуп по прозвищу Громобой: собственной персоной. Охотник за головами.

Приятно познакомиться.

Точно гончая, он шел по следу, пока не прибыл на старую станцию, не знавшую ремонта, похоже, со времен Экспан-

сии. Осведомитель получил деньги задаром. Блэйз почти не сомневался, что жертва выберет самый занюханный и дешевый док, битком-набитый разномастным отребьем...

Где самый занюханный док, там, соответственно, самый паршивый салун на три ближайших парсека. Численность отребья соответствовала норме. Троуп пришел, почуяв мерзкий запах. И верно – в полумраке зашевелился знакомый силуэт.

Собственно, то НЕЧТО, что возлежало на обширном диване, обладало силуэтом в весьма формальной степени. Первый, не особо предвзятый взгляд рождал ассоциации, связанные с формами жизни, зародившимися на планетах с повышенной гравитацией. Эдакие беспозвоночные, передвигающиеся в большей степени ползком, нежели посредством конечностей. Силуэт подразумевал голову, туловище и конечности, более-менее совместимые с анатомией большинства гуманоидов. В данном случае Громобой польстил оппоненту, употребив такую аналогию.

Оный персонаж походил на громадный, бесформенный бурдюк, под завязку наполненный жиром. Просто сидеть на диване было проблематично само по себе. Студенистые тела расплывались, принимая очертания мебели. Кожа – годами не знавшая ультрафиолета – имела нездоровый желтый оттенок, какой можно увидеть на шляпках ядовитых грибов. Лицо представляло собой нагромождения складок, где с трудом угадывались подбородок, губы, нос... За исключением,

пожалуй, глаз. Пара злобных, коварных угольков.

Многим хотелось прикончить эту тушу после минуты созерцания. Некоторые – как правило, владельцы цирков и музеев анатомических аномалий – предлагали хорошие деньги. Уникальный, редкий экспонат. В эпоху торжества медицины, когда любой, кому позволяли средства, мог получить любую фигуру, какую желал. Но жирдяй не собирался ничего менять, благодаря чему приблизился вплотную к Иным. Его воззрения представляли для окружающих инопланетную грамоту.

Впрочем, описываемое существо принадлежало к человеческому виду, сколь бы кому-либо ни хотелось поверить в обратное... Изменить очевидное не представлялось возможным. За безобразной внешностью таилась вполне традиционная анатомия, ДНК, и – невероятно!.. – сердце, человечности в коем не больше, чем в дальнем уголке разума гхола-убийцы.

Блэйз, сощурившись, вглядывался в полумрак. На губах играла недобрая улыбка.

Вот он, жирный пескарь. Или сом, потому как до акулы ему далеко. Изо всех сил старается быть незаметным. Нелегкая задача для таких габаритов.

Толстяк успел сменить до неприличия много имен. Самое известное – Дик Шнайдер. Ироничное прозвище – Проныра, – выдуманное каким-то шутником, шло с ним по жизни, тогда как имена сменялись одно за другим. Дик состо-

ял в Межпланетном Розыске. Ему инкриминировались преступления, преследуемые и караемые на большинстве планет Федерации: сводничество, спекуляции с ценными бумагами, работорговля, и, основной его заработок – производство детской порнографии.

Ублюдок, каких мало.

Закон Законом, его никто не отменял. Однако, основную сумму Громобой рассчитывал получить от родителей девочек, похищенных Пронырой. Детей нашли – за многие парсеки от дома, – но родители жаждали возмездия. Отчасти, Блэйз выступал в роли наемного убийцы, что его ничуть не смущало. Он охотно выполнил бы работу и за треть суммы, что ему обещали.

Поскольку охотник встречал Шнайдера прежде, недоразумений быть не должно. Впрочем, на плакатах с надписью «WANTED» красовалась не это лицо. Дик перенес массу дорогостоящих операций. Громобой видел снимок неважного качества, приобретенный по случаю. То, что предстало воочию, заметно отличалось от снимка. Вероятно, жир брал свое, в который раз отвоевывал манящие пустоты. Теперь физиономия представляла собой нечто среднее между первоначальным состоянием, и пластической модернизацией.

В любом случае, то безобразие, что находилось непосредственно ПОД головой, Троуп бы ни с чем не спутал – другой такой туши не сыскать во всем Приграничье.

Громобой сдвинулся с места.

Проныра нервно оплыл. Охранники забеспокоились. Появление охотника, конечно, не осталось незамеченным. Но отступать некуда. Бар не мог похвалиться дополнительным выходом, потому как примыкал к переборкам станции.

Блэйз продвигался по узкому проходу. Раздвигал, будто занавеси, дымные клубы табака, гашиша, синего опиума, и других наркотиков растительного и синтетического происхождения, культивируемых по всей Федерации. Троуп внимательно следил, чтобы не отдавить завсегдадаям ноги, щупальца или суставчатые клешни. Его провожали недобрыми взглядами, реже – ворчанием. Остановить никто не пытался. Всем любопытно.

Наконец Громобой остановился. Небольшая дистанция полностью отвечала ситуации. Столик Проныры размещался в укромном уголке, своего рода «кабинете». Телохранители облюбовали кресла, или, преимущественно, сгрудились у стен.

Не совершая резких движений, Блэйз опустил руки вдоль корпуса. Затем, кашлянув, прочел монолог, который подготовил минуту назад:

– Дик Шнайдер. Вы состоите в Международном Уголовном Розыске – ввиду совершенных вами тяжких преступлений. Вы имеете право молчать. А равно – не оказывать сопротивления, и остаться в живых. Последнее предполагает судебное рассмотрение, в ходе которого, не исключено, вас оправдают. Сопротивление повлечет немедленную казнь. Я,

Блэйз Троуп, беру на себя расходы на транспортировку. – Он выдержал паузу. – Живым или мертвым, вы пойдете со мной.

Все сказанное являлось правдой. Охотник лукавил в одном – ни один суд не оправдает Дика Проныру. В особенности тот, что находится на одной из планет, где Шнайдер особо расстарался. Блэйз имел право определить суд по своему усмотрению... Закон помогает тем, кто помогает ЕМУ.

«Соппротивление» значительно облегчит задачу. Корабль Троупа не годился для перевозки скота. Кроме того, заказчики заплатят в том единственном случае, если толстяк будет убит «при задержании». По возможности жестоко и цинично.

Дик улыбнулся, обнажив мелкие желтые зубы. Клыки отсутствовали как таковые.

– Громобой, дорогой!..

Меж посетителей пробежал тревожный шепоток – бриз, предвещающий бурю. Люди и Иные обменялись суждениями. Среди охотников существовала конкуренция. Подобно шоу-бизнесу, в этом деле также имелись свои звезды. Имена особо прославившихся охотников были у всех на слуху. Во всяком случае, в узком кругу. Если взять, в качестве примера, дрянной салун, то здесь о Блэйзе слышаны практически все. Но никто доселе не имел чести лицезреть стрелка воочию.

– К чему формальности?! – продолжил Шнайдер. – Мы же старые друзья! А ты все суд, розыск... Присаживайся, стари-

на. Рад тебя видеть.

– Не могу сказать того же, – проворчал Громобой. – Нет уж, спасибо. Я не присел бы рядом, будь ты последним живым существом во всей Галактике... Ты мне не друг. Мы виделись один-единственный раз, не обмолвились и словом. Мне недосуг было с тобой разбираться – в противном случае ты не разложил бы здесь свою тушу, и не трепал бы языком, отнимая мое время. А теперь собирайся. Я не намерен ждать.

Улыбка оплыла по физиономии Дика, как масло на сковороде. Крохотные глазки, спрятанные меж жирных складок, стрельнули по сторонам. Проныра начал понимать, что пахнет жареным. Горела не чья-то шкура, а его собственная: дело худо.

– Сколько ты хочешь?.. – быстро спросил он. – Сколько нулей на плакатах под моей физиономией? Я заплачу вдвое против той суммы, что дают фараоны.

Шепоток вырос до неприличного гомона.

Блэйз покачал головой.

– Втрое!.. – выкрикнул Шнайдер, приближаясь к панике.

– Той суммы, что я получу, ты не перебьешь, – сказал Громобой.

И это была чистая правда. Он рассчитывал получить награду, в сравнении с которой деньги полиции казались ничемной формальностью. Родители не поскупились.

Жирдяй прикусил нижнюю губу. Охранники нервничали. Кто-то теребил кобуру бластера. Троуп делал вид, что не за-

мечает. Он не спешил. Все вот-вот разрешится.

Стандартная процедура, повторяющаяся раз за разом. Блэйз, с той или иной вероятностью, мог сказать, чем закончится дело. Вначале предлагают деньги. Проньера не стал исключением. Да и вообще, он вполне предсказуем. Вероятно, в круглой безволосой голове кружились самые тривиальные соображения. Успеют ли телохранители прикончить охотника?! Он один, но он... охотник.

Маловероятно, что Шнайдер поверит посылам. Сдаться на милость правосудия означало для него примерно то же, что и собственноручно подписать смертный приговор. Терять ему нечего. За те преступления, что он совершил, ВСЕ планеты Федерации предполагали смертную казнь, – путем поджарки на электрическом стуле. Это, впрочем, было куда милосерднее, нежели то, ЧТО с толстым извращенцем сделают родители пострадавших детей. Рассчитывать на доброту не приходилось.

Дик это прекрасно понимал, потому как дураком отнюдь не являлся. Он был бизнесменом, и, отчасти, психологом. Такие ублюдки не преуспевали бы на своем мерзостном поприще, если бы их «продукты» не пользовались популярностью. Виновных – масса. Трусливых и подлых, рассчитывающих на то, что о их грязных грешках никто не узнает. Проньера это умело использовал. Одним из его коньков был шантаж. В число «клиентов» входили влиятельные персоны – мэры, шерифы, даже сенаторы. Потому-то жирдяй до сих

пор гулял на свободе.

В салуне воцарилась тишина. Посетители замерли, ожидая, что вот-вот ударит молния. Громобой окажется в эпицентре близящейся бури. Глаз урагана смотрел прямо на него.

Блэйз ощутил перемену. Шнайдер оказался в тупике. Он не пойдет с охотником; в этом случае толстяку не на что рассчитывать, кроме как на несколько часов перед казнью – грязный угол в трюме, и миска с отрубями. Нет, он выкинет фортель.

Глазки масляно блеснули. Язык облизнул пересохшие губы.

– Почему же?.. – Улыбка вышла на редкость неубедительной. – СКОЛЬКО ты хочешь?..

Руки охотника свободно висели вдоль корпуса. То один палец, то другой касался пистолетов: на первый взгляд, совершенно невзначай.

Проныра старался ослабить бдительность. По собственному опыту Троуп знал, что некоторые мерзавцы натаскивают охрану по специальной системе. Определенные слова, не означающие, на первый взгляд, ничего особенного, несли в себе подспудный смысл. Как то: «Стоять», «Будьте готовы», и – «ОГОНЬ, негодяи, ОГОНЬ!..».

Блэйз молчал, регистрируя взглядом каждое движение толстяка и «тушехранителей».

– Молчишь?.. Что ж, ты меня разочаровал. Ты на редкость

некоммуникабелен. – Шнайдер вновь облизнулся. На лысине проступила испарина. – НАМ НУЖЕН КОНСЕНСУС.

Едва отзвучал последний звук, как один из парней, стоявший рядом с диваном, гораздо ближе остальных, выхватил бластер. Вернее, попытался это сделать.

ВСЕ телохранители были стопроцентными людьми. Ни одного Иного. Ни генетических модификаций, ни боевых имплантантов. Многие слишком юны и смазливы, чтобы представлять для Блэйза Громобоя серьезную угрозу... Он это знал.

Грохнул выстрел. Пистолет – будто живой, – прыгнул в руку стрелка. Пуля легко пробила противобластерный жилет. На груди охранника расцвело ярко-алое пятно. Парень удивленно на него поглядел, затем осел на пол. Бластер показался лишь наполовину.

Остальные замерли, словно в раздумье. Троуп напрягся; пистолет водил узким стволом из стороны в сторону – ни дать, ни взять, кобра, ищущая жертву. Когда сцена стала казаться затянутой, один из телохранителей, стоящий в самом углу, и, вероятно, считающий, что охотник его не заметил, потянулся к оружию.

Он ошибся. Рывкнул пистолет.

Тут картина взорвалась – изнутри, всплеском энергии и смертоносных лучей. Несколько парней выхватили бластеры одновременно. Блэйзу не оставалось ничего иного, кроме как нырнуть за ближайший столик, рассыпая вокруг раска-

ленный металл...

Гравитация исчезла, вышибла почву с немилосердностью кулака, бьющего в висок. Противники немедленно взлетели к потолку, – подобно зондам, наполненным гелием.

Громобой не ошибся. Общественные места на космических пирсах обязывали иметь автономные источники гравитации. Как правило, оные приборы отличались предельной дешевизной, а следовательно, хрупкостью и ненадежностью. Практика показывала, что крышки устройств были не металлическими (как, собственно, предполагалось), а пластиковыми.

Скупость, присущая владельцам подобных мест, не обманула ожиданий и на этот раз. Никогда не следует недооценивать силу порока. Временами он играет на руку.

Содержимое заведения, не привинченное к полу, и не прикрепленное к другим поверхностям как-либо иначе, сразу же лишилось опоры. Причиной этого стала катастрофическая легкость – точнее, отсутствие всякого веса. Невесомость охватила салун, и принялась забавляться своими игрушками. Над полом поднялось все: стаканы, бутылки, пачки сигарет, игральные кости, стулья, вилки, ножи, посетители... Если люди беспомощно барахтались в воздухе, ограничившись руками и ногами, то некоторые Иные могли похвалиться дюжиной конечностей. Салун наполнил жуткий гам.

Многие посетители были опытными звездолетчиками, од-

нако, от неожиданности даже они уподобились салагам, впервые вышедшим в Космос. Телохранители же не могли сладить с оружием даже тогда, когда твердо стояли на ногах. Будучи же подвешенными над полом, когда любое движение играло против них, образуя реактивную тягу, парни превратились в сущих калек.

Зато Блэйз чувствовал себя как рыба в воде. Он-то знал, ЧТО повлечет исчезновение гравитации. Невесомость ни в коей мере не послужила сюрпризом. Более того, Троуп обрадовался ей, точно старой подруге... Той, что всегда придет на помощь.

Громобой метался из стороны в сторону, словно теннисный мяч. Отскакивал от одной поверхности, чтобы тут же оттолкнуться от другой. Столы, стены, пол и потолок превратились в его персональные трамплины. Блэйз почувствовал прилив сил и энергии, а также того, что можно назвать «трудовым энтузиазмом». Салун стал его игровой комнатой. Здесь можно осуществлять любые, самые потаенные желания... Если посмеешь.

Охотник успел сменить две обоймы, прежде чем все было кончено. Ситуация обернулась форменной бойней. Сопротивление присутствовало сугубо формально. Вероятно, построить правильную защиту было бы тяжело и более опытным бойцам.

Стрелок нырял, крутил кульбиты, преследуя одну-единственную цель: сделать меткий выстрел. Разноцветные лу-

чи беспорядочно сверкали вокруг, причиняя Громобойю не больше вреда, нежели прожектора ночных клубов. Зато несколько завсегдаев распрощались с жизнями, не успев взмолиться о пощаде. Лазеры прошли Иных, не встретив ни малейшего сопротивления. Интересно, – думал Троуп с несвойственной ему отрешенностью, – о чем эти бедолаги думали?.. Зашли на кружечку пива, поболтать с корешами, и вот – не думали, не гадали... Смерть трудилась с Блэйзом бок о бок. Размахивала косой, и жутко хохотала. Стрелку казалось, что он ее ВИДЕЛ воочию.

Возможно, так и было. За долгие годы он с ней сдружился.

Спуская курок, Громобой приносил покровителю новую жертву. В невесомости кровь образовывала блестящие красные шарики. Они беззаботно парили, а, когда траектории пересекались, образовывали целые созвездия – разбивались на неизменно-круглые половинки, поглощали друг дружку. Под потолком кружились гиганты-сверхновые.

Заметив летящее тело – оскаленный рот, выпученные от испуга глаза (для парня, вероятно, маневры его собственного тела стали сюрпризом), – Троуп опустил пистолет. Оттолкнувшись от ближайшей поверхности, он нырнул под бластер противника, и ударил кулаком в солнечное сплетение. Но к охотнику уже летели двое других. Не колеблясь, Блэйз потратил целых четыре патрона. В голове второго охранника – правом виске, – образовалось круглое отверстие. Кровь хлынула алым жемчугом...

Мимо Громобоя пролетели игральные карты. Одна из карт, пиковый туз, задиристо вращался по вертикальной оси. На «рубашке» виднелись несколько микроскопических меток.

Все это время стрелок ЗНАЛ, где находится Шнайдер, и что с ним происходит. Блэйз не утруждался намеренными проверками; толстяк вертелся на зрительной периферии. Дик истошно вопил (крики походили на женские), махал немощными конечностями – короткими, почти атрофированными, – благодаря чему поднимался все выше, подобно уродливому воздушному шару.

Наконец все стихло.

Громобоя окружали трупы, посетители и багровые шары с лоснящимися боками. Мертвецы парили в невесомости, вытаращив обвиняющие глаза. Иные перемежали homo sapiens в пропорции один к четырем. Безжизненно раскиданные щупальца, разинутые жвала. Причины смерти очевидны: раны образовали сквозные обожженные каналы. На это способен исключительно лазер. Нелепая случайность, или не менее досадный умысел. Охранники, словно утопающие, хватались за посетителей, а кое-кто использовал Иных в качестве щитов. Сделав предварительно так, чтобы те не дергались.

Выжившие вели себя неоднозначно: спокойно, храня молчание, либо, напротив, развешивая в невесомости гроздь ругательств. Все, однако, знали, что им крупно повезло.

Раздалось громкое жужжание. Блэйз ощутил, как его при-

тягивает к полу, со все возрастающим упорством. Гравитация вцепилась в загривок и потащила вниз; небрежно швырнула телу естественный вес. Пол нырнул под ноги. Громобой успел сгруппироваться, поэтому возвращение гравитации не стало для него причиной травм.

Вокруг, будто невиданный град, сыпались всевозможные предметы. Стулья, бутылки, покойники... Жидкости обрели привычную текучесть. Щары срывались с невидимых нитей, и, разбрызгивая себя на метры, взрывались о ту поверхность, к которой их притянуло. Охотника окатило багровыми брызгами со всех четырех сторон.

Троуп нашарил взглядом Шнайдера: тот копался на диване, совершив мягчайшую посадку (и лишний раз подтвердив свое прозвище). Жирдяй ничуть не пострадал.

Блэйзу было бы удобнее, если бы Проныра погиб в связи с «несчастливым случаем». Но толстяк уцелел в ситуации, до предела насыщенной «прискорбными случайностями». Охотник мог подстроить «шальную пулю» в любой момент, однако, не спешил.

Теперь беречь патроны не было нужды. Громобой двинулся к дивану, переступая стулья, посуду и распластанных Иных – как живых, так и тела, которым повезло значительно меньше, и прийти в сознание уже не представится возможным.

Рука Блэйза по-прежнему держала пистолет. Проныра пытался стать меньше истинных размеров, ничуть в том не

преуспев. Глазки грозили раздвинуть жир и повиснуть на оптических нервах – так Дик боялся.

– Хорошо! – пискнул он. – Я согласен! Пойду с тобой!..

Охотник нахмурился. «Вот как? – подумал он. – Что ж, похвально, хотя это в мои планы не входит». Он сделал три выстрела – столько патронов оставалось в обойме.

Две пули угодили в грудь, преодолев, на пути к сердцу, слой жира. А третья вошла в переносицу – ни сантиметром больше, ни сантиметром меньше.

– Что?.. – спросил Троуп. – Прости, не расслышал.

Где-то раздался потрясенный всхлип.

Ни единого слова.

Подойдя к стойке бара, Громобой достал купюру, и положил рядом с кассой. Бармен – нечто синее и многорукое – опасливо выглянул из-под столешницы. Увиденное заставило его посинеть еще больше: «клиент» был забрызган кровью наподобие «боевой раскраски». Гость из ночных кошмаров.

– На ремонт, – проронил стрелок.

Иной взглянул на бумажку, и четыре глаза изумленно округлились – арктурианские доллары, целых пять сотен. Таких чаевых ему еще не доставалось.

Подойдя к коробке с надписью «ИСКГРАВ», Блэйз выдернул нож. Вокруг лезвия плясали синие искры. Не иначе, гравитацию создавал аварийный прибор.

Машинально вытерев клинок о штанину, Троуп обернулся. Вот она, туша, за голову которой – живую или мертвую,

без разницы, – обещан солидный денежный приз.

На сей раз охотник собирался исполнить волю Закона буквально. Слово в слово.

– Да, круто, – подытожил собеседник. – Я вот чего не понимаю: почему ты поперся в салун – вместо того, чтобы спокойно подкараулить борова в какой-нибудь подворотне?..

Громобой молчал. «Если не понял сейчас, не поймет и потом». Блэйз не горел желанием растолковывать, что, во-первых, в баре отсутствовал другой выход, а значит, Проньре некуда было деваться. Во-вторых, в закрытом помещении исключен ряд эксцессов – прибытие к противнику подкрепления, или вмешательство полиции. Наконец, отключить гравитацию в подворотне не представлялось возможным.

Они находились в том же доке, но в другом заведении, куда более «изысканном». На шестах крутились танцовщицы: Иные и земные девушки. Играл «синтетический джаз».

Собеседник улыбнулся; кашлянул от неловкости. Затем, меняя тему, поинтересовался:

– Скажи, зачем тебе эти старомодные огнестрельные штуки?.. Из-за них тебя считают снобом.

Стрелок усмехнулся. Он слышал это не впервые. И на такой вопрос Громобой мог ответить.

– Это просто, – сказал он. – Металлические пули запросто пробивают противобластерный жилет. Кроме того, лазер способен убить, если повредить им жизненно-важные

органы. Если же луч попадает в руку, ногу или куда-то еще, кровеносные сосуды мгновенно оказываются запечатанными. Нет нужды обращаться за медицинской помощью... Во всяком случае, не сразу. Что касается пуль, то они не столь милосердны. Без труда разрывают все, что попадает у них на пути, останавливаясь тогда, когда иссякает заряд кинетической энергии – под давлением жидкостей и тканей. Таким образом, человек или Иной, получивший не смертельное ранение, вполне может умереть некоторое время спустя – если не озаботится кровотечением.

По мере развития темы глаза собеседника становились все больше.

Оные глаза были ярко-желтыми, с красноватым оттенком. Они выделялись на узком лице, состоявшем, казалось, исключительно из угловатых костей и черной щетины.

Говорят, будто внешность обманчива. Блэйз же всегда доверял первым впечатлениям. По каким-то необъяснимым причинам род занятий отражался на внешности. Глядя на худую, небритую физиономию, можно было с полным правом сделать вывод, что ее владелец промышляет чем-то кошунственным, балансируя на грани Закона.

Впечатление оказалось бы верным. Сей персонаж был информатором, «платным осведомителем», – такие обитают в каждом доке. Именно он донес на Проныру.

– Тебя считают снобом, – повторил «стукач», натянуто улыбаясь. – Однако, теперь я понял, что они глубоко заблуж-

даются. Тебя следовало бы именовать мясником!..

Громобой молчал. На ярлыки ему было плевать. Только безумец посмеет оскорблять охотника в лицо. Собственное прозвище Блэйза проистекало из тех же стрелковых предпочтений. Чем страшнее прозвище и хуже репутация, тем сильнее дрожат негодяи. Тем дальше бегут от охотников, и те преследуют их до самого края Галактики.

Троуп хотел ответить, но из кармана донеслась мелодичная трель. Раздраженно скривившись, Громобой достал телефон. «Стукач» профессионально вытянул шею – растянувшуюся подобно резине. На дисплее красовалось миловидное девичье личико.

Улыбнувшись, девушка сказала:

– Привет, милый. Извини, что тревожу тебя по пустякам, но местные грубияны требуют, чтобы мы оплатили стоянку, или немедленно освободили док. Как ты помнишь, она платит распространяется на одни земные сутки, не меньше. – Девушка хитро подмигнула.

Блэйз кивнул. Да, владельцы станции вели себя на редкость недостойно. Портовые сборы и впрямь отличались дешевизной, однако, оплатить стоянку менее чем за сутки было невозможно. Этот нюанс всплывал отнюдь не сразу.

– Скажи, пусть убираются к бесу, – проворчал Громобой. – Задрай шлюзы и разогревай турбины. На холостом ходу, разумеется. Я скоро.

Означенные меры исключали проникновение на борт. Да-

же алчные сборщики будут держаться подальше. Решив, что вот-вот состоится старт, портовые крысы уберутся восвояси. Следовательно, до прибытия хозяина судно в полной безопасности.

– Жду, милый. – Воздушный поцелуй.

Девушка отключилась.

– Твоя подружка?.. – Осведомитель сально улыбнулся; в глазах мелькнуло уважение.

– Нет, – отрезал Троуп, чем немало удивил собеседника. – Зачем звал?..

– Вот, всплыл один пустячок. Пустячок, что смог бы тебя озолотить. – Желтый глаз подмигнул.

– Что за пустячок?..

– Информация, за которую ты много бы отдал.

Громобой нахмурился. У него не было ни времени, ни охоты забавляться загадками.

– Ну, не тяни. Какая информация?..

– Как обычно. Насчет мерзавца, голова которого – живая или мертвая, – стоит кучу денег. Гребаную кучу, до омерзения большую. Такая рыба попадается раз в жизни.

Блэйз напрягся. Память услужливо подсунула имена доброго десятка преступников: Джонни Ловкач, Блэк Джек, Боб Кровавая Рука, Коротышка Майки... Они стоили тысячи.

– Имя. Мне нужно ИМЯ.

– Нет, приятель, так не пойдет. – Осведомитель усмехнулся. – Зайди речь о ком-то ином, я, как на духу, выложил бы

все без предварительной латы... Но этот случай – особый.

Троуп покачал головой:

– Я не привык скупать котов в мешках. Вдруг мне этот парень без надобности?..

– Уверяю, ты не пожалеешь.

Охотника стала раздражать глупая полемика.

– Сколько?..

– Пять сотен кредитов.

– Что?! – Блэйз не поверил собственным ушам. – Ты, приятель, спятил. От меня впервые требуют, чтобы я заплатил ТАКИЕ деньги вперед, да еще неизвестно за что.

– Я ничего не ТРЕБУЮ, – заметил собеседник. – Все-го-навсего предлагаю. Информация – лучший товар в наше время. Хочешь – бери. Не хочешь – кто-то будет сговорчивей.

Троуп поморщился. Не стоило этому малому так разговаривать; определено, не стоило. Разжился сплетнями, и думает, что стал крутым мачо. На самом деле – пшик...

– Меня всегдастораживает, если кто-то настаивает на предоплате. Как правило, эти подозрения оказываются вполне обоснованны. Получив деньги, ты поделисься откровением, и сделка будет заключена. Здесь вероятны проблемы. Меня могут не интересовать твои данные. Я могу их знать. Или же они устарели.

В сущности, Громобой ничего не терял. Он мог отобрать свои деньги, но это было бы верхом неприличия. Сделка за-

ключена, он оказался простачком, и деваться некуда.

– Такого ты не знаешь. И – никто не знает. – «Стукач» уверенно кивнул. – Данные не устарели. Само собой, они тебя интересуют. Это... это просто мечта.

– Информация касается особы, состоящей в Розыске?..

– Ага. Давным-давно. Почти ВЕЧНОСТЬ.

Блэйз перебрал цепочку имен. Из его «картотеки» под скудное описание подходили единицы. Неизвестно, живы они, убиты, или благополучно состарились.

– Кто же?.. Кармайкл? Стивенсон? Дарвин?..

Осведомитель, улыбаясь, качал головой.

– Мимо, мимо, еще раз мимо.

– Сомневаюсь, что уважающий себя рецидивист станет разбрасываться ценными сведениями. Столь небрежно, что они станут известны даже тебе, в этой дыре...

Уверенность в своей компетенции окружала «стукача» железобетонным каркасом. Неловкие попытки Троупа пошатнуть его самообладание ни к чему не привели.

– Тем не менее, они мне известны.

– Имя.

– Нет, так не пойдет. – Человек с желтыми, как у кошки, глазами начал вставать из-за стола.

Громобой выбросил руку, обхватил запястье осведомителя и рывком усадил нахала на стул.

«Стукач» выпучил глаза, открывал-закрывал рот, не в силах проговорить ни слова.

– Ты не уйдешь, – сказал Блэйз, – пока не назовешь имя. Я пришел, понадеявшись на важные данные. Ты украл у меня массу драгоценного времени. Поэтому, не обессудь, тебе придется рассказать. В противном случае твои зубы отпечатываются на этой стойке.

Собеседник поглядел в направлении, обозначенном пальцем охотника. Там и впрямь находилась большая барная стойка. Лицо же Громобоя говорило, что он, ничуть не колеблясь, исполнит обещанное. Для него такое – пустяк. Раз плюнуть.

– А ты, оказывается, безжалостный ублюдок, – проговорил «стукач», будто это его удивило.

Глаза Тroupa – синие, с застывшим на дне льдом, в котором темнели старые грехи и ошибки – подтверждали: да, мол, так и есть.

– Хорошо. – Осведомитель глубоко вдохнул, затем, на выдохе, выпалил: – Янус.

– Что?! – Блэйз улыбнулся.

Напряжение прошло. Он понял, что потратил время зря, и зря волновался.

Хлебнул пива.

– Ерунда. Одна из легенд Глубокого Космоса.

– Нет! Он существует!.. – с жаром произнес «стукач». Равнодушие охотника пробило «панцирь» без всяких усилий. Куда эффективнее, нежели угрозы и оскорбления.

– Да, еще бы, – подзуживал Громобой. – А я – председа-

тель Сената.

– Говорю же, он существует! – настаивал осведомитель. – В это трудно поверить, и...

– Тут ты прав. Не так давно Правительство признало его мифом, вымышленным лицом.

– Признало, – кивнул собеседник. – Тем не менее, он ДО СИХ ПОР числится в Розыске! Сперва я тоже не верил, но простая проверка расставила все по местам. Он существует – так же, как ты или я. Независимо от того, верим мы в него, или нет. За него ДО СИХ ПОР назначена награда.

Троуп притих. Это и впрямь нетрудно проверить.

– Продолжай.

– Сначала – деньги.

– Продолжай!..

– Так вот, Янус.... Говорят, у него сотни обличий. Именно поэтому его еще зовут Многоликим. Легендарный преступник. Говорят, нет злодеяния, которого бы он не совершил. Он нападал, брал свое, а после исчезал в неизвестном направлении. Долгие годы о нем ничего не было слышно... – Взгляд охотника заставил «стукача» поспешить. – Я, впрочем, особо не интересовался этой темой. До того самого дня, пока не встретил человека, кто ВИДЕЛ Януса собственными глазами. Этот парень ошивался здесь, в этой гавани...

Блэйз кивнул, подтверждая свое мнение о данной станции как о месте, переполненном дегенератами. Странно, что не нашлось никого, кто видел бы Юлиа Цезаря.

– Ладно, можешь не верить. Дело твое. – Осведомитель поджал губы. – Я наткнулся на него по чистой случайности. Неподалеку отсюда – в таверне, по сравнению с которой этот свинарник покажется дворцом. – Он небрежно повел рукой в сторону танцовщиц. – К тому времени, когда я его нашел, он успел порядком набраться. За плечами у него лежал долгий путь. Он летел от одной планеты к другой; швартовался на станциях, чтобы утром отчалить к другой. Это длилось достаточно долго.

Громобой посмотрел в глаза собеседнику. Описание вполне походило под образ жизни охотника.

Однако, желтые глаза не смеялись.

– Повсюду, где он останавливался, – продолжил «стукач», – он делал только одно: пил. Когда просыпался – продолжал. Старался залить горе. У него имелось достаточно средств, чтобы продолжать это существование до того, пока не погаснет Галактика. Что, говоря по правде, меня и привлекло. Но после его истории я был сам готов заплатить...

– Ну?.. – поторопил Блэйз.

– Да-да. Так вот...

Лайнер мчался сквозь мрак Глубокого Космоса. Гигантская туша рассекала вакуум уверенно и споро, по выверенному маршруту. Планеты и звезды оставались позади; пытались поймать жирную добычу в гравитационные сети, но та без труда ускользала. Мощные турбины выбрасывали за кор-

му тонны продуктов горения. Раскаленные молекулы вились за лайнером тугим хвостом.

Судно предназначалась для туризма. Межпланетные круизы длились продолжительное время, и были рассчитаны на весьма состоятельных пассажиров. В необъятном чреве – огромных трюмах, – лайнер нес невероятное богатство. Мебель, живопись, скульптуры, предметы религиозных культов; аэрокары, электромобили и автомобили с двигателями внутреннего сгорания; несколько дворцов, разобранных до фундаментов; железнодорожный состав XIX столетия, приобретенный каким-то эстетом; тонна драгоценностей в депозитарии; отсек, содержимое которого составляло строгую тайну; а также некоторое количество оружия, числившегося у службы безопасности.

Все указанное комфортно размещалось внутри колоссального судна, ничуть не стесняя трех тысяч пассажиров. Последние вели праздное, беззаботное существование. Свободное время (в сущности, ВСЕ время туристов было свободным – за исключением нескольких археологов, усердно каталогизировавших содержимое трюмов) богачи посвящали чревоугодию, прелюбодеянию, злоупотреблению алкоголем и наркотиками, а также прочим неблагоприятным занятиям. К их услугам были предоставлены несколько стадионов, сотня бассейнов, одна библиотека (почти невостребованная), семьдесят клубов, боулинги, бильярдные, и неисчислимое множество баров.

Так длился полет. Преимущественно, на сверхсветовых скоростях. Туша лайнера покидала беззвучный тоннель лишь в тех случаях, когда требовалось пополнить запасы топлива, или пассажиры желали поглядеть на местную достопримечательность.

На четвертый месяц (стандартной продолжительности) такой «диковинкой» стал красный карлик, расположенный поблизости от созвездья Ориона. Судно начало торможение за два парсека от цели, и, приблизившись на сто тысяч километров, застопорило ход.

Туристы прильнули к иллюминаторам, восторгаясь мрачным величием умирающего светила. Карлик клокотал, ничуть не умиротворенный вниманием. Он надолго переживет и туристов, и лайнер. Даже на изрядном отдалении звезда была крайне опасна. Если бы не специальные защитные фильтры, созерцание имело бы печальный итог.

Тем временем, на капитанском мостике происходило нечто странное. Радары, сканируя Космос, обнаружили неизвестный объект. Он не вступал в диалог, не подавал позывных, но приближался. Маневры не оставляли сомнений: объект управляем. Догадки подтвердились, но просканировать корабль не представлялось возможным: звездолет защищал особый отражающий слой, состоящий на вооружении Флота.

Капитан от тревоги не находил себе места. Кто это? На пиратов не похоже. Размеры объекта невелики, – в сравнении с махиной лайнера. Каким образом этот малыш здесь

оказался? Поблизости не проходили оживленные маршруты. Ближайшая заправочная станция находилась на расстоянии многих парсеков. Водоизмещение незнакомца предполагало крохотные баки, уместившиеся бы в дальнем конце трюма лайнера. С таким запасом крошка не могла одолеть дальний путь в одиночку. Следовательно...

Сделать выводы капитан не успел. Корабль приблизился на расстояние, приемлемое для внешних датчиков. Над тушей лайнера промелькнул стремительный силуэт, наводивший на мысли о глубоководных хищниках со старушки-Земли. Офицеры сгрудились у мониторов, но объект передвигался слишком быстро. Поравнявшись с лайнером, звездолет завис над кормой. Выхлоп дюзы сорвал с обшивки камеры и датчики.

Большинство экранов потухли. Остальные же демонстрировали, как над лайнером вспух красно-желтый пузырь. Куски обшивки устремились в открытый Космос. Пузырь лопнул; на его месте закружилась метель – ледяные кристаллики. Вакуум безжалостно высасывал воздух из лайнера. Так кровь покидает тело...

Капитан, держась за сердце, понял, что удар пришелся не куда-нибудь, а в атмосферно-регенерационный отсек. Если бы разгерметизация произошла в ином месте, прилегающие шлюзы задраили бы аварийный отсек. Собственно, так и случилось, но повреждена была вентиляционная система... Если не устранить утечку, вакуум высосет ВЕСЬ воздух в тече-

нии пары часов.

Стоило капитану об этом подумать, как неизвестный корабль совершил иной, не менее пугающий маневр. Основные дюзы погасли, зато маршевый двигатель принял вертикальное положение. Балансируя на огненных хвостах, звездолет начал снижаться. Аккурат на пробойну. Та была совсем небольшой (в масштабе лайнера – микроскопической), благодаря чему размеров объекта хватило, чтобы закрыть ее целиком. Оплавленные края скрылись под дном корабля.

Приборы, сигнализировавшие о утечке всеми возможными способами, тут же успокоились. Герметизация восстановилась на 99 %. Это означало, что, избежав перспективы дышать вакуумом, содержимое лайнера столкнулось с новой опасностью. Убийств и разграбления, – десантом ИЗВНЕ. Капитан уже не сомневался, что...

Их берут на бордаж.

Офицер был молод, и подобные неприятности случались с ним впервые. Вспотев, он судорожно вцепился в поручни. На мониторах показались люди в черной форме, бегущие из одного отсека в другой. Пираты. Определенно, это пираты.

«К оружию!..» – завопил какой-то герой.

Капитан машинально кивнул. Однако, когда рука тянулась к табельному бластеру, офицер рассмотрел еще одну деталь. Все пираты были в противогазах.

Из вентиляции струилась отрава, неразличимая глазом.

– ...Да, кое-что я приукрасил, – признался «стукач». – В особенности то, что касается неопознанного звездолета. Но, не сомневаюсь, примерно так все и обстояло...

– Как называлось судно?

– Пиратов?..

– Нет, – отмахнулся Громобой. – Лайнер.

– А... «Altair».

– Откуда, КУДА он следовал?..

– Не знаю. Пьянчуга не признался, как я ни выспрашивал.

Блэйз кивнул. Разумеется. Пошарить в Сети, конечно, он не догадался – это повлекло бы излишние накладные расходы. Что ж, название есть. Остальное – не проблема.

– Ясно. Что дальше?..

– Ну вот... Пустили, значит, газ... Вещество оказалось-то не каким-нибудь усыпляющим пустячком – настоящим боевым химикатом!.. Богатеи передохли, как мухи, от второго же вдоха! – Осведомитель щелкнул пальцами, демонстрируя, КАК именно «передохли богатеи». – Никакие это не пираты, никакой не абордаж. Погибло ведь, ни много, ни мало, три тысячи. Форменный терроризм. Сечешь?..

Троуп кивнул.

– Секу, секу. Как же уцелел наш приятель?..

– Да, он оказался тем еще пронырой... – Осекшись, «стукач» хотел поправиться, но лишь неловко улыбнулся. – Сидел в своей каюте, ждал заказанный коньяк, и смотрел голографический фильм. К счастью, кино было не про войну, по-

этому он расслышал взрыв. Убавил звук, а, когда в коридоре раздались крики умирающих, метнулся к аптечке. Не дурак, верно ведь?.. – Собеседник завистливо прищурился.

– Как его звали?..

– Джон. Джон Майкл Дональдсон. Не удивлюсь, если в каждый порт он заходит под новой фамилией. Так вот, напялив кислородную маску, он осторожно вышел. Когда...

Когда Джон крался вдоль переборок, он ежеминутно слышал крики – не Иных, а людей. Стопроцентных homo, потомков переселенцев с Земли. Таких же пассажиров, как и сам Дональдсон. Мертвецы лежали повсюду: в дверных проемах, на полу, в креслах, на велотренажерах... Огромный, светлый, наполненный весельем лайнер в одночасье обернулся Королевством Смерти. Вместо смеха в коридорах звучали крики умирающих – звуки, страшнее которых нет ничего.

Проходя мимо трупов, Джон не замечал ни ранений, ни следов насилия. Несколько пассажиров, уже готовившихся отойти на тот свет, что-то невнятно булькали, и царапали гортани руками. Словно животные, по какой-то причине утратившие способность дышать. Люди, – такие же пассажиры, как он сам, – глядели на Дональдсона жуткими глазами; в немой мольбе тянули руки. Джон обходил их стороной. Мало ли, что стукнет им в голову. Кислородная маска-то одна.

Так Джон пробирался вперед, к цели, остававшейся смутной и недостижимой. Вокруг разверзся суший Ад. Дональд-

сону показалось, будто он угодил в дурной сон, – наихудший кошмар. Вот только, в отличие от ночного морока, это РЕАЛЬНО.

Ужас бил в виски, пульсировал в жилах барабанной дробью. Тем не менее, Джон упрямо брел по обезлюдевшим коридорам (ни одной живой души, одни мертвецы: выпученные глаза, пена на губах), верно придерживаясь некоего направления. Сперва цель представляла для Дональдсона загадку, а затем он понял – инстинкт вновь опередил его с решением. Джон направлялся в эвакуационные отсеки, к спасательным шлюпкам. Там – спасение. Здесь – Смерть.

Красный карлик с любопытством заглядывал в иллюминаторы.

Дональдсон придерживал маску, беспокоясь, чтобы та плотно прилегала к лицу. Даже незначительная щель означала жуткую гибель. Кислорода хватит на девяносто минут. Не более. За это время необходимо преодолеть немалый путь. Шлюпки находились на восьмой палубе. Лифтов лучше избегать, лестницы надежнее...

Джон лихорадочно размышлял о сотне проблем; сдерживал панику, чтобы не перейти на бег, – потому как знал, что при ходьбе организм потребляет гораздо меньше кислорода, – и, плюс ко всему, внимательно смотрел под ноги. Он подсознательно боялся наступить на мертвое, еще теплое тело, но еще больше опасался споткнуться. В этом случае не исключено падение, и маска, – почти наверняка, – спадет.

Нет ничего удивительного, что за всеми этими заботами Дональдсон не глядел по сторонам.

А напрасно.

В тот момент, когда от стены отделилась какая-то тень, Джон воскликнул от ужаса, и едва не уронил маску. Затем, опомнившись, сдавил прибор обеими руками сразу. Точно боялся (собственно, так и было) что кто-то ее отберет. Но у того, кто разгуливал среди остывающих трупов, и у самого была защита. Эта мысль ворвалась в обеспокоенное сознание Дональдсона, уподобившись коварному удару.

Вжавшись в стену, Джон во все глаза уставился на незнакомца. Это мог быть... Нет, на пассажира не похож. Слишком уверенно держится. Охранник?! Нет, те носили синюю форму, а этот – в черной. Без знаков отличия, но одежда, вне сомнений, военного покроя. Кроме того, незнакомец был опасен – на плече свободно болтался скорострельный бластер, состоящий на вооружении Флота. Это Дональдсон знал наверняка. Он разбирался в оружии. Непросто не разбираться в том, что сбывал контейнерами. Возможно, и ЭТОТ бластер – из тех партий.

Субъект в черном поднял оружие. Вороненый ствол уставился на Джона, расставляя жизненные приоритеты по своим местам. Какой толк в контейнерах, если значение имел один-единственный, отдельно взятый, ЭТОТ САМЫЙ бластер?..

Дональдсон поднял руку. Правой продолжал удерживать

маску.

Лицо незнакомца скрывал противогаз – не маска и не скафандр, какие носят космические пехотинцы. Черные стекла (вероятно, с ультрафиолетовой защитой) уставились на Джона. Тому показалось, что в противогазе проступило нечто злобное. Точно предмет индивидуальной защиты и сам являлся лицом.

Шагнув ближе, корсар (Дональдсон почти не сомневался, что наткнулся на пирата – одного из убийц, что устроили всю эту бойню) повел стволом бластера:

– Кто такой?.. – Причиной металлических ноток служил то ли переводчик, то ли противогаз.

– Я?.. Джон... Джон Смит, – солгал Дональдсон.

– Еще бы, разумеется, – кивнул незнакомец. – Куда путь держишь, Джон Смит?..

Джон сглотнул. Он со всей отчетливостью осознал, что СЕЙЧАС его могли убить. Как никчемное животное. А ведь так – невыносимо, до боли – хотелось жить!..

– К шлюпкам, – признался он. – Я услышал взрыв, и решил, что произошла авария. – Дональдсон нервничал; когда же он нервничал, то начинал тараторить, будто заведенный. – Взрыв двигателя, или столкновение... Знаете, такое случается в Космосе...

Пират участливо кивнул. Скорострельный бластер по-прежнему смотрел в грудь пассажира.

– Пожалуйста, отпустите меня, – взмолился Джон. – Я ни-

кому не расскажу о нашей встрече. Я...

– Не расскажешь?! Отчего же?.. – Черный ствол опустился. – С этим, приятель, ты погорячился.

Незнакомец поднял руку, и, удерживая оружие правой, сомкнул пальцы на противогазе. В этот момент Дональдсон впервые обуяла жажда действия. «Сейчас или никогда», – сказал он себе. Но вышло, что никогда. В черных стеклах мерцало мрачное спокойствие. Даже одной рукой корсар без особых усилий держал на весу тяжелый бластер. Не оставляло сомнений, что он с той же точностью проделает в Джоне аккуратную дыру, пользуясь одной рукой, сколь и двумя.

Приняв во внимание эти соображения, Дональдсон не предпринял ровным счетом ничего. Лишь отвел взгляд, сощуривая исключительно стену. Пират намеревался обнажить лицо. С какой целью – неизвестно. Джон знал, что это знаменовало – персонально для него – смертный приговор... Либо – помилование. Профессиональные преступники, как правило, предпочитали не оставлять свидетелей. (Здесь – нюанс. «Не оставлять» было значительно предпочтительнее, нежели «устранять». Спрашивается, какой смысл?.. Ничакого. Одним трупом больше, одним меньше... Вокруг – только трупы. Никто не расскажет... Возможно, этот ублюдок – заурядный садист, которому по нраву убивать). Но встречались исключения. Считанные единицы. Мерзавцы, алчущие мрачной славы.

– Посмотри на меня.

Пассажира не двигался. На стене не происходило ничего примечательного.

– Не бойся, с тобой ничего не случится, – сказал корсар, точно прочтя метущиеся мысли. – Я тебя не убью. Зачем мне это?.. Погляди вокруг. Одни трупы.

Вздвогнув, Дональдсон непроизвольно обернулся.

Незнакомец снял противогаз. Под таковым обнаружилось обычное, ничем не примечательное лицо, – высокий лоб, широкие скулы, волевой подбородок. Можно сказать, вполне заурядное. Если бы не большие серые глаза. В них-то и заключалась вся СИЛА. Почему-то Джон подумал именно так. Сила. В глазах – да, умных; да, привлекательных, но это распространённое явление – виднелась не просто уверенность или хладнокровие. Серые, ледяные, словно куски льда, эти глаза воплощали все то, чем Дональдсон всегда стремился обладать.

Сила, воля, могущество. Собранные воедино, будто сжатый кулак. Нечто большее, нежели уверенность. Самообладание, рано или поздно, пошатнется, а самоуверенность – испарится. Но глаза пирата, казалось, видели рождение сверхновых и гибель черных дыр. Удивить эти глаза не могло ничто в этой Галактике.

– Нет, я тебя не убью, – повторил незнакомец. – Напротив. Я тебя отпущу, если ты расскажешь обо мне. Повсюду, где ты побываешь. Расскажешь, что я сделал, – он повел стволом бластера в сторону ближайших трупов, – и как меня зовут.

Джон напрягся. Но где-то в глубине, на дне трясущегося от страха нутра, разлилось облегчение. Он знал, что будет ЖИТЬ. Как много дней впереди, что предстоит вкусить!..

– Мое имя – Янус, – сказал пират.

Вздрогнув, Дональдсон искоса на него поглядел. Определенно, он где-то слышал это имя.

В этот момент лицо незнакомца изменилось. Каким-то странным, непостижимым образом – самая удивительная штука, какую Джон видел в жизни. По физиономии корсара пробежала рябь, точно кожа и мышцы превратились в воду. Поверх прежнего лица проступило новое. Предыдущее сменилось другим, словно пират снял наскучившую маску, или тот же противогаз. За жалкие секунды.

На Дональдсона глядели другие глаза, принадлежащие, как ни абсурдно это сознавать, тому же человеку (две пары глаз, не являвшиеся ни сменными линзами, ни имплантатами, – парадокс, и все-таки... факт). Эти самые глаза, в отличие от предыдущих, были черными. Непроглядными и бездонными, как тьма между звездами.

Джону казалось, что на него смотрела сама Смерть. Никогда прежде он не испытывал такого ужаса. Первобытный, животный страх, от которого кожа покрывалась мурашками, а волосы норовили встать дыбом. Дональдсон стал свидетелем того, против чего пасовал рациональный разум. Явления, пребывающего за гранью обыденного. Тем не менее, Джон ничуть не усомнился в собственном рассудке. Он

ЗНАЛ, что видел ЭТО; что глаза работают так, как и прежде, а мозг исправно перерабатывал поступавшую информацию. Все это – на самом деле.

В незнакомце изменились не только глаза. Само лицо стало другим. Ничуть не привлекательное, а, напротив, отталкивающее. Теперь внешность пирата соответствовала занятию. Обуславливала скорострельный бластер и манеру держаться. Это было лицо настоящего злодея – хладнокровного убийцы, безжалостного ПАЛАЧА.

Дональдсон затрепетал, словно олень, угодивший в капкан.

– Запомни – ЯНУС, – произнес корсар, и это имя навечно отпечаталось в памяти Джона, будто на стене мавзолея. – Никогда не забывай, что я подарил тебе жизнь. Однако, не бесплатно. Взамен ты расскажешь обо мне. Всем, кто пожелает узнать.

Пассажир кивнул. Слюна проскрежетала по пересохшему горлу.

– Теперь – ступай. Лифты в той стороне. – Незнакомец указал бластером на перекресток.

Опустив ствол, пират развернулся, и, не оглядываясь, направился в том же направлении. Дональдсон выждал несколько секунд. Затем, заключив, что медлить не имело смысла (более того – опасно), двинулся следом. Корсар исчез.

Покачиваясь на одеревеневших ногах, Джон ждал лифт.

– Да, занятно, – подытожил Громобой. – Это – ВСЕ?..

– Разве недостаточно?! – «Стучач» усмехнулся. – Янус существует – он не миф.

– Сомневаюсь. С каких пор рассказы залетного забулдыги принимают за непреложную истину?..

– Дело твое, – надулся собеседник. – Но он говорил чистую правду. Уж я-то разбираюсь!..

– Возможно, – кивнул Блэйз. – Возможно, он сказал правду. Допустим, он и впрямь летел на том лайнере, хотя и не верю, что таковой существовал. Но, если подумать, КАК он мог встретить Януса?.. Испугался, надышался кислорода: гипервентиляция легких еще не такие штуки творит. Мало ли, что ему привиделось во тьме. Наткнулся на какого-то пирата, тот и показался ему жутким монстром. Я знаю, по меньшей мере, дюжину штуквин, которые вытворяют с лицами вещи похуже... Не говоря о препаратах. – Трупп одним глотком опорожнил стакан.

Охотник покривил душой. Да, устройства, изменяющие внешность, действительно существовали. Однако, описанные трансформации обладали сущностью скорее психологической, нежели материально-механической. ТАКОЕ обычной механикой не объяснишь. И даже хитроумные имплантанты имели ограничения.

– Я навел справки. Янус – из Текучих, – компетентно сообщил осведомитель.

Громобой поморщился.

– Ерунда. Сказки. Но если – на одно несбыточное мгновение – допустить, что пьянчуга **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** наткнулся на Януса – собственной персоной, – чем эта информация пригодится мне?.. Созвездье Ориона – песчинки в море звезд.

– Ты, наверное, – «стукач» ослабился, – хотел, чтобы Янус оставил точные координаты, а также позывные передатчика, чтобы ты смог связаться с ним, в случае чего?..

– Был бы не против. – Блэйз нахмурился.

– Видишь ли, это невозможно. Ты желал получить информацию, и я донес ее до твоего ведама. Никто не говорил, что к данным прилагается сертификат достоверности.

– Да, ты прав.

Произнеся столь непредсказуемую фразу, Троуп потянулся за бумажником.

«Стукач» нетерпеливо облизнулся.

Охотник отсчитал несколько купюр и небрежно бросил на стол. Схватив деньги, точно атакующий ястреб, осведомитель быстро пересчитал. Глаза его изумленно округлились.

– Что ЭТО?..

– Как что? Деньги.

– Но... Здесь половина. Мы договорились о пяти сотнях.

– Мы ни о чем не договаривались, – отрезал Громобой. – Ты поведал мне глупую сказочку, чтобы сохранить свои зубы. Я, исключительно из дружеских побуждений, вознагра-

дил тебя некоторой суммой – какой счел нужным. Но и она превышает истинную цену твоих «сведений», по крайней мере, в десяток раз.

– Они стоят в десять раз больше, – проворчал «стукач», нервно комкая купюры.

– Наверяд ли. Кроме того, у тебя нет никакого – в том числе, морального – права торговать этой информацией. Тебе она досталась бесплатно. От кого-то, кто раздавал долги.

– Его встретил Я – не ты!..

– Правильно, – кивнул Блэйз. – Именно поэтому ты вообще что-то от меня получил. И потом, я – не последний, кому ты продаешь эти байки. Тебе обязательно подвернется какой-нибудь легковверный простачок, с которого удастся взять сразу тысячу.

С этими словами охотник поднялся из-за стола.

Теперь настал черед осведомителя хватать собеседника за руку. Троуп с удивлением воззрился на собственный рукав. Последний, кто посмел сделать такую ошибку, отправился к праотцам – с аккуратной дырой промеж зеленых глаз.

– Отпусти.

«Стукач» съежился, но руки не убрал. Громобой заглянул в наполненные алчностью глаза.

– Ладно, – сжалился он. – Принимая во внимание тот факт, что ты способствовал избавлению Вселенной от такого ублюдка, как Проньера... Я дам тебе шанс.

Заискивающе улыбнувшись, осведомитель разжал паль-

цы.

– Ты получишь остальное, – продолжил Блэйз, – если вспомнишь название яхты Дональдсона.

Это заявление подействовало на «стукача» таким образом, словно собеседник требовал перечислить все планетные системы в этом рукаве Галактики. Бедолага выпучил глаза, и, словно рыба, выброшенная на берег, раскрыл рот. Очевидно, хотел соврать, но что-то во взгляде охотника предупредило это намерение.

– Не знаешь?..

Осведомитель горестно покачал головой.

– Вот видишь, – сказал Троуп. – Твоя информация не стоит того, что я уже дал.

Развернувшись, он двинулся к выходу. Тут «стукач» совершил очередной необдуманный поступок, имевший бы, по всей видимости, летальный исход – он вскочил со стула, и, размахивая руками, бросился на Громобоя. Вероятно, неполученная прибыль произвела столь жестокую психологическую травму, – еще бы, «делка века» оказалась фикцией, а кредиты уплывали из-под самого носа, – что профессиональный информатор временно повредился рассудком. Не утруждаясь ни стойкой, ни грамотной атакой, он с голыми руками бросился на Блэйза.

Тот легко избежал столкновения. Сжав кулаки, прыгнул навстречу. Охотник не чувствовал ни гнева, ни злобы. Лишь сожаление: подумать только, они так славно сидели, беседо-

вали, и вот... Что с людьми делают деньги?.. Они погубили бесчисленную массу народу, так почему бы всем остальным не одуматься?..

Кулак врезался в живот «стукача» – открытый столь вопиюще, что любого стоящего бойца разобрал бы безудержный смех. Осведомитель согнулся в три погибели. Воздух просвистел меж зубов. Легкие опорожнились наподобие того, как газ выходит из зонда.

– Спокойно, спокойно, – придержав «стукача», Троуп позволил ему усесться на стул.

– Какие-то проблемы, господа?..

Охотник неторопливо обернулся – чтобы посмотреть, какие букашки утруждают его внимание дурацкими вопросами. Оными букашками оказались охранники: форменные «вышибалы» с тугими мышцами, пустыми взглядами и чугунными подбородками.

– У кого? – уточнил Громобой. – Лично у меня – никаких. Зато у вас, если вы сию секунду не уберете отсюда свои дебилские рожи, проблем будет хоть отбавляй.

Крепыши озадаченно переглянулись. К такому обращению они явно не привыкли. Один, поигрывая мышцами, придвинулся к Блэйзу. Но тот не собирался драться.

Выхватив пистолет, охотник направил ствол на «вышибалу».

– Еще один шаг, приятель, и в тебе прибавится дырок, – предупредил Троуп.

Осведомитель жалобно екнул. Он-то знал, на что способно это оружие. А еще «стукач» смекнул, что игры окончились, и сейчас Громобоя лучше не доставать.

Охранник уставился на странное оружие, пытаясь сообразить, способно ли оно причинить ему какой-либо вред. На вид – сущий антиквариат. Но было в пушке нечто такое – возможно, копоть вокруг дула, стальной блеск ствола, – что внушало подсознательный страх. В результате же созерцания на душе становилось весьма и весьма неприятно. Подумав, «вышибала» счел за благо отступить.

– Так-то лучше, – сказал Блэйз, опуская пистолет. И, удостоив осведомителя последним взглядом, проронил: – Ладно, не скучай. Глядишь, когда-нибудь свидимся.

Сунув оружие в кобуру, охотник двинулся к выходу. Охранники торопливо расступились.

Последним аргументом в пользу огнестрельного оружия служило то, что, в отличие от бластеров, пистолеты удавалось проносить практически ПОВСЮДУ.

Но об этом Троуп не спешил распространяться.

«VERSUS» – красовалось на правом борту. Водоизмещение корабля было невелико, всего три тысячи тонн. Компактные размеры, впрочем, компенсировались изрядной маневренностью, равно как и крейсерской скоростью. Глядя на эту малышку, трудно представить, что под неприметной внешностью притаились острые зубки. Громобой имел офи-

циальную лицензию на розыск преступников, благодаря чему ему разрешалось оснащать звездолет ЛЮБЫМ вооружением (за исключением, конечно, химического и бактериологического), каковое он сочтет нужным. Количеству бортовых орудий не уступала броня, сожравшая немало грузоподъемности. Блэйзу, однако, много пространства не требовалось.

Он путешествовал один.

Док был «сухим», поэтому путь до корабля охотнику пришлось преодолеть пешком. Турбины гудели. Алчных сборщиков и след простыл. Едва Трупп поднялся на борт, как чавкнул первый шлюз дока.

Отошли крепления. Разошлись внешние створы, и док заполнил вакуум. Взревели маневрирующие двигатели, изрыгнув тугие снопы невыносимо-белого пламени.

«VERSUS» вышел из дока. Космическая станция – уродливое нагромождение палуб, причалов и трюмов, достраивавшихся годами, а потому сумбурно громоздившихся один на другом, – проплыла за иллюминаторами. Огромный улей удалялся по мере того, как корабль наращивал скорость. Вскоре осталась лишь крошечная точка, ничем не отличающаяся от сотен звезд на черном покрывале.

Не успел Громобой снять кобуры, как рядом возник стройный персонаж – девушка, звонившая по телефону. В настоящий момент ее волосы были ярко-синего цвета, насыщенного настолько, что локоны источали приглушенное све-

чение. Такого оттенка нельзя добиться ни красителями, ни мутацией ДНК, ни чем-либо иным.

Из одежды, как обычно, на девице были несколько полупрозрачных полосок – то ли купальник, то ли облачение танцовщицы с Венеры-7. Тело, которые этот наряд обнажал, представляло само совершенство. Стройные гибкие ноги, плоский живот, упругая грудь. С прекрасного лица глядели огромные зеленые глаза: бездонные, томные, с неуловимой хитрецой. Влажные губы улыбались.

Блэйз ничего не доделывал. Внешность девицы являлась такой, какой и с самого начала. Даже охальную одежду красотка выбирала по собственному усмотрению. А равно – маникюр, педикюр, макияж, прически. Прибавляла и теряла в весе. Утверждала, что руководствуется исключительно собственным вкусом.

– Привет, дорогой, – проворковала девушка. – Мой ненаглядный охотник за головами. Как, отправил на тот свет двух-трех негодников? Принес мамочке денежки?..

Не говоря ни слова, Троуп кинул на диван три пачки купюр, полученных в полицейском отделении станции. Легаые не очень-то обрадовались визиту охотника, но выбора не было. Проныра наверняка оплатил их услуги (точнее, бездействие).

– Превосходно! – синие глаза хищно просияли. – Прикончил-таки жирного извращенца!..

Громобой кивнул. Раздевшись, он прошлепал босыми но-

гами в ванную комнату. Привычно закрыл дверь, и, опершись о раковину, уставился на собственное отражение. Вокруг шеи краснели стружья крови. Не охотника – убитых охранников или Проныры. Алые капли невесть каким образом попали за воротник, куда, совершив поспешное омовение в сортире салуна, Блэйз добраться не мог.

Тело Тroupa представляло весьма занимательное зрелище. Тугие мускулы бугрились ядовитыми змеями, однако, основной интерес представляло не это. Кожа стрелка казалась передвижной криминалистической выставкой. По этой коллекции не составило бы труда изучить оружейные предпочтения обитателей различных планет. Здесь были шрамы всех форм и размеров; совсем свежие, розовые, и, напротив, старые – бледные, сливающиеся с кожей. Следы от лазеров, пуль, ножей, топоров, копий и стрел; когтей, зубов, жвал, щупалец и кислоты; от острых камней, зубьев решеток, и (редкость!) бича «девятихвостки».

Охотник пережил все это. И, разглядывая себя в зеркале, мрачно думал, что скоро, если он не бросит это никчемное занятие, на нем живого места не останется.

Несмотря на запертую дверь, синеволосая красотка выросла за спиной Громобоя.

– Тебя не учили, – сказал Блэйз, – что нужно стучаться?..

– Ты знаешь – в моем положении это лишние формальности, – проворковала девица. Прикусив губу, она коснулась тонкими пальчиками иссеченной шрамами спины. – Кроме

того, мне всегда нравилось смотреть, когда ты без одежды.

– М-да, нашла красавца!.. – не без самодовольства хмыкнул Троуп.

– Верно, нашла, – кивнула собеседница. – Ты был, и будешь в моем вкусе – даже если тебе ампутируют конечности... А это, при твоей-то работе, весьма вероятно.

– Типун тебе на язык, – скривился охотник. – Утешила, тоже мне. В твоём вкусе, да...

Он-то знал, что никакого вкуса у красотки нет, и быть НЕ МОГЛО. Потому как девица являлась бестелесной иллюзией – виртуальным воплощением искусственного интеллекта корабля. «R21-X77». Таково было настоящее имя интеллекта. Но Громобой предпочитал звать ее проще: Кэт. Лаконично и звучно. Так звали девушку из далекого Прошлого, канувшего в межзвездную бездну. Блэйз так и не исполнил намерений, которые питал на счет той особы. И вот, когда на корабле поселилась R21-X77, подсознание толкнуло на поверхность короткое имя. Верно, злая издевка. Троуп КУПИЛ ИскИна; намеренно избрал женскую особу. Однако, охотник никогда не сможет обладать Кэтрин так, как обладал бы женщиной.

Они оба это знали. Порой Громобой подозревал, что Кэт сожалеет о том не менее, нежели он. Но, как и стрелок, искусственный интеллект тщательно это скрывала.

Блэйз посмотрел в лицо собственному отражению. Это лицо... Троуп его не любил. Угрюмое, костистое. Широкие

скулы. Дважды сломанный нос. Поджатые губы. Косой шрам на левой щеке. Из-под густых бровей, сросшихся на переносице, глядели суровые глаза. Серые, холодные, цвета... не арктического льда, но северного моря. Да, у охотника не было причин любить свое лицо. Без особой надобности он на него не смотрел. Оно, с равным успехом, могло принадлежать как убийце, так и убийце убийц. Многие отождествляли эти глаза со взглядом самой Смерти. Лицо Громобоя было последним, что изрядных размеров толпа видела в жизни. Точное число Блэйзу было известно, однако, он никому бы его не назвал.

– Переходи в субпространство, – сказал Троуп, смывая с плеч и шеи потеки крови.

– Уже сделано, дорогой, – ответила Кэт, ласково улыбаясь.

– Ужин?..

– Еще бы! Я, точь-в-точь порядочная женоушка, за тобой истосковалась. – Она вновь сделала вид, что прикасается к спине Громобоя, но, как и в предыдущий раз, физического контакта не произошло. – Бифштекс, картофель, пинта светлого.

Блэйз улыбнулся. «Все, как ты любишь», – недосказанность повисла натянутой струной. Охотник всегда ужинал в одиночестве.

Подмигнув, Кэт растаяла в воздухе. Она незримо присутствовала рядом – в крохотных камерах, проекторах, приборах и сканерах. В любой час бортового времени.

Завершив омовение, Троуп переоделся в чистый спортивный костюм, и отправился в камбуз. Пища действительно была готова: исходила ароматным паром в ультраволновой печи. Единственной причиной, по которой бифштекс не попал на стол, служило то обстоятельство, что Кэтрин не имела рук. Однако, Громобой без труда справился сам.

Очередной ужин после очередного убийства. Мясо показалось особенно вкусным.

Залив бифштекс пинтой «Будвайзера», Блэйз направился в кубрик. Там, развалившись на диване, позволил себе смежить веки. Освещение сбросило накал. И, откуда ни возьмись, перед охотником вновь возникла синеволодая дива.

Грациозно изогнувшись, она уперла руки в бедра, и, покачиваясь из стороны в сторону, села Троупу на колени. Стрелок не почувствовал ровным счетом ничего – даже пушинка весила больше. Зато глаза – цвета свежей травы, омытой дождиком и ультрафиолетом, – приблизились на минимальную дистанцию. Пара зеленых озер. Они глядели вполне осознанно, с симпатией и невысказанным томлением. А еще казалось, что в них можно разглядеть настоящую ДУШУ. Но это, конечно, самая беззастенчивая ложь, какую Громобой мог себе позволить. Не более. У ИскИнов нет, не было, и не могло быть ничего, что связано с религиозно-метафизическими парадигмами. Нью-Ватикан не поленился опубликовать на сей счет разъяснение – энциклику, где говорилось, что ИскИны «суть производная машин, искусственный ра-

зум, а потому приписывание им свойств, присущих Человеку (в частности, души), является кощунством и ересью». Упоминание «разума», вместе с тем, несколько обнадеживало. Кроме того, Ватикан все еще не мог определиться с наличием души у разумных Иных.

В любом случае, Блэйза заботило лишь собственное мнение. Для него Кэт была единственной и неповторимой. Он не привык к самодурству, а потому не сомневался насчет сущности ИскИна. Тем не менее, временами охотник позволял себе некоторые заблуждения. Когда он казался самому себе особенно одиноким, а космическая бездна довлела над разумом.

– Гм... – Кашлянув, чтобы рассеять неловкость (девушка по-прежнему сидела у него на коленях) Троуп завел речь об очередном пустяке, упоминание которого было не к месту и не ко времени. А именно, поинтересовался: – Что с шумами в машинном отделении?..

– Все в порядке, дорогой. Джордан забыл гаечный ключ. Знаешь, он в последнее время такой рассеянный...

Громобой кивнул. Да, Джордан. Стрелок предполагал нечто в этом роде. Действительно, робот-ремонтник внушал опасения. До определенного времени это не страшно, и все-таки стоило обследовать его в сервисном центре. На ближайшей же пристойной стоянке.

– Есть такое.

Кэт нахмурилась.

– Что с тобой?.. Ты сам не свой. Тебя словно что-то грызет изнутри. – Нежная ладошка вновь наметила касание – на сей раз к щеке. Искусственный интеллект корабля для того и предназначался, чтобы делать верные выводы в кратчайшие сроки. Кэтрин, вне сомнений, сразу же сообразила, что с боссом что-то не так. Только, руководствуясь собственным представлением о тактичности, не подавала виду. Сколько сочла нужным.

– Ничего. – Блэйз мотнул головой. – Просто у жирного ублюдка оказалось много охраны.

– И тебе не оставалось ничего иного, кроме как прикончить их всех. – Красотка серьезно кивнула. – Что ж, дерьмо случается. Не бери в голову. Ты и раньше брал на себя подобный грех. Все они – преступники, потому как пособничали Проныре. Даже после того, как ты представишься, и перечислишь свои полномочия. Ведь ты перечислил, так ведь?..

Троуп кивнул.

– Вот видишь! Не стоит переживать... Погоди-ка. – Кэт выпрямилась и пытливым взглядом посмотрела в глаза. – Это происходило и прежде. Не держи меня за дуру, Блэйз. Дело в другом.

Громобой усмехнулся. Если мадемуазель назвала его по имени – не «дорогой», «милый», «мой ненаглядный охотник», или как-то иначе, – что делала чрезвычайно редко, стало быть, дело плохо. Троупу не хотелось делиться рассказом, услышанным на станции (прежде всего – из мальчишеской боязни, что его не поймут, засмеют, заклеят), однако, де-

лать нечего. Теперь синеволодая бестия ни за что не успокоится.

Выслушав, Кэтрин некоторое время молча на него смотрела. Затем розовые (блестящие, будто созданные для поцелуев) губы разошлись в улыбке. Дива нежно обняла стрелка.

– Мой милый охотник, – сказала она. – Вот уж не думала, что ты забиваешь голову сказками!..

Блэйз надулся. Что и требовалось доказать.

– Я знаю, что это сказки. Просто история показалась мне интересной, только и всего.

– О нет, не только!.. – Кэт рассмеялась. В воздухе зазвенели хрустальные колокольчики. – Я-то вижу, что рассказ пронял тебя до печенок. Это правда, пусть даже ты не признаешься и самому себе. Тебя задели за живое – САМОЕ живое, что еще осталось – профессиональную гордость. Поймали на живца, как неоперившегося юнца. Ты еще скажи, что заплатил – за эти, с позволения сказать, сведения. – Девушка наморщила носик.

Оскорбленный до глубины души, Громобой в гневном порыве попытался спихнуть куколку с колен, но не тут-то было. Толкать голограммы – занятие в высшей степени безрезультатное. Осознав это, Троуп успокоился. Кроме того, он понимал, что Кэтрин совершенно права. Его поймали на живца. Тщеславие – одно из немногих слабых мест, задеть которое не составляло труда. Тем не менее, Блэйз не был намерен соглашаться.

Сугубо из природного упрямства.

– Заплатил, – буркнул он. – Что с того?.. Всякая достойная история, как и любой товар, требует достойной оплаты. Пусть даже это ложь – с начала до самого конца.

– Похвальная щедрость, – одобрила ИскИн. – Если, конечно, тебе нравится бросать деньги на ветер – чего я прежде не замечала. Всем известно, что Янус – персонаж вымышленный. Комплексный, собирательный образ, ведь на то, собственно, он и Многоликий. Эдакий антигерой, супер-преступник, творящий злодеяния на протяжении десятилетий, если не столетий. НИКТО не может бегать от Закона ТАК долго, – миниатюрный пальчик (острый ноготок отливал синим лаком) поднялся к носу Громобоя. – И ты это знаешь. Януса выдумали такие же охотники, как и ты, чтобы нескучно было жить. Дальнейшее – дело истории. Легенды имеют загадочное свойство, которое, впрочем, и делает их легендами... Частью фольклора. Сказки о Янусе распространялись от мира к миру, путешествовали на звездолетах, спасательных капсулах и станциях, передавались из уст в уста... Пока о Многоликом не узнало все Пограничье. Его подвиги множились с геометрической прогрессией – каждый рассказчик считал своим долгом прибавить к этой поэме парочку куплетов. Легенды, точно межзвездная зараза, рассеивались в атмосферах сотен, тысяч миров. Переносчиками служило все живое, что имело дар слуха и речи. Торговцы, солдаты, охотники за головами, дальнобойщики, пираты, стара-

тели, и прочая публика, что не привыкла подолгу задерживаться на одном месте. Сказки о Янусе прозвучали в миллионах причудливых мест: в грязных трюмах, на обшивке горящего торговца, посреди поля брани, в астероидных шахтах...

– Довольно! – воскликнул, не выдержав, Троуп. – Что это – урок словесности? Я и сам знаю, что не получил за свои деньги ничего, кроме занятой истории... Ничего страшного. Я ведь тоже из той публики, что не привыкла дважды сидеть на одном месте. Я тоже не хочу скучно жить. Мое существование также кажется пресным, бесцельным и однообразным.

Кэт резко выпрямилась.

– Вот, – сказала она. – На то и расчет. На субъектов, что утратили в темноте будней истинный смысл бытия, рассчитаны подобные рассказы. Тебя инфицировали.

– Что плохого, если история произвела на меня впечатление? – ответил Блэйз, раздражаясь. – Я не собираюсь лететь неизвестно куда, чтобы ловить легендарного призрака!..

Какой-то отстраненной (сохранявшей абсолютный покой – всегда и повсюду) частью сознания Громобой признавал, что говорил полную чушь. Пару часов назад он насмеялся над осведомителем, а теперь пытается убедить в чем-то собственного ИскИна.

– Пока – нет. Не собираешься. – Девушка обеспокоено нахмурилась. – Но изнутри тебя уже точит зловерный червя-

чок. Информационный вирус. Троян, против коего бессильны любые программы. В этом заключается наше отличие. Я, при нужде, способна вычистить свою память от чужеродного элемента. Ты – нет. Твое поведение УЖЕ не похоже на обычное. Что дальше?.. – Кэтрин тряхнула синей гривой, и локоны рассыпались по плечам.

– Ничего. Я знаю – ты права. – Троуп кивнул. – Ничего не изменится. Не волнуйся, крошка.

Испытав внезапную досаду, он поднялся с дивана. Красотка осталась в прежней позе: нога за ногу, тонкая талия изогнута, правая рука обнимает исчезнувшую шею. Охотник двигался сквозь голограмму, ничуть не потревожив иллюзорного образа.

– Пойду вздремну. Что-то я устал...

Не оборачиваясь, он направился в жилой отсек.

Кэт недоверчиво смотрела ему в спину, затем покачала головой. И, задумчиво прикусив губу, плавно, будто перышко, опустилась на диван. Аккурат во вмятину, оставленную Блэйзом, хранящую тепло его тела. Свет погас. Во тьме сверкали два изумруда.

Вот и она. Планетная система Третьего Марса, что в Созвездье Гермеса. «Versus» начал торможение, вынырнув из субпространства за десять тысяч километров от цели.

Два светила – зеленое и нестерпимо-голубое – полыхали на мониторах и в иллюминаторах. Данная система яв-

лялась, по меркам Окраины, довольно оживленным транспортно-информационным узлом. Выгодные координаты со-служили местным поселенцам добрую службу. Все пять планет, входившие в систему, были густо заселены.

Радары выхватывали из вакуума громадные очертания торговых портов, где дальнобойщики могли разгрузиться и вновь загрузиться, не утруждая себя такими формальностями, как заход в атмосферу. Вокруг этих туш сновали сотни букашек – буксиры, лоцманы, заправщики, торговые агенты, таможня, полиция, технические службы. Грузовые суда величаво плыли посреди этого хаоса, сопровождаемые всеобщим вниманием.

Громобоя, однако, интересовала отнюдь не торговля, хотя от заправки он бы не отказался. Его привел сюда собственный бизнес. Не поимка очередного преступника, но информация. Именно здесь, у Третьего Марса, обновление данных, что представляли для охотника профессиональную ценность, происходило наиболее оперативно. Помимо очевидных преимуществ, эта система располагалась на внутренней стороне Пограничных Миров. Новости и слухи поступали сюда с завидным постоянством, тогда как на Внешней Границе могли ГОДАМИ не знать таких вещей, как государственный переворот.

Информация. Бич космической цивилизации, раскиданной по миллионам миров. Досужие языки злословили, что, невзирая на технический прогресс, Человек вернулся к со-

стоянию Дикого Запада. В те стародавние времена информацию доставляли заблудшие странники, дилижансы, и, позже, железнодорожные составы. Так и ныне. Невообразимые, фантастические расстояния во многие парсеки играли ту же роль, что и сотни километров пустынных прерий. Эти дистанции разделили планетные системы, обособили и изолировали. Многие миры десятилетиями варились в собственном соку, многие деградировали до феодального строя, многие попросту вымерли.

Информация – кровь техногенной цивилизации, снабжающая ткани необходимым кислородом. Если оный газ не поступал сколь либо долго, плоть отмирала. Так и Пограничье. В связи с непредставимым обилием компьютеров, планетные системы были опутаны всевозможными сетями, образующими, в свою очередь, глобальную Сеть. Вместе с тем, планеты довольствовались лишь иллюзией той информации, что находилась ИЗВНЕ. При ближайшем рассмотрении Сеть Пограничья напоминала не всеобщий массив, а локальные ответвления. Степень этой аномалии варьировалась в зависимости от того, насколько быстро обновлялись источники. Здесь, у Третьего Марса, каждые пять-шесть часов. Следовательно, местные пользователи почти не чувствовали своей ущербности, пользуясь всеми благами галактической информатизации.

Именно по этой причине сюда прибыл Блэйз Троуп.

Когда звездолет вошел в территориальный космос Тре-

тьего Марса, охотник отправил таможенне позывные, а также Регистрационный Блок (содержащий исчерпывающие сведения о судне: технические характеристики, груз, право собственности и порт приписки).

Вскоре пришел ответ:

>: Разрешаем вход в околопланетное пространство. Зарегистрируйтесь для лоцманской проводки.

Троуп отписал:

>: Это лишнее. В мои планы не входит ни посадка, ни стыковка – за исключением заправки.

Однако, таможенники настаивали.

>: Это неважно. Лоцманская проводка обязательна ДЛЯ ВСЕХ, входящих в наше пространство.

Скрипя зубами, Блэйз вновь прикоснулся к клавиатуре. Кэт улыбалась, стоя за спиной.

>: Если вы приглядитесь, то обнаружите, что в графе «РОД ЗАНЯТИЙ» значится «ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ». Номер лицензии – там же. В ст. 854, п.23 Межпланетного Кодекса Торговых Перелетов упомянуто, что охотники полномочны использовать содействие портовых служб по своему усмотрению, равно как и отказываться от такового.

Эфир замолчал. Сотрудники таможни, вероятно, не ожидали, что им подвернется столь юридически подкованный транзитник. Затем на дисплее высветились ровные строки:

>: Вы правы, охотник. Рады приветствовать на Третьем Марсе.

– Весьма признателен, – буркнул Громобой.

Кэтрин, все так же улыбаясь, отступила в тень. Где и исчезла. В буквальном смысле слова. Ей предстояла работа. Покончив с дебатами, Троуп откинулся в кресле. Остальное делает ИскИн.

Звездолет уверенно продвигался по территориальному пространству. Вскоре – по мере приближения наиболее внушительного из портовых терминалов – движение заметно оживилось. Блэйз понял, почему таможня настаивала на сопровождении лоцманами: посудины носились, словно угорелые, во всех направлениях трехмерного пространства. Особую прыть проявляли технические службы, и, в частности, роботы-ремонтники (стальные верзилы, снабженные собственными двигателями и гигантским перечнем возможностей – в отличие от старины-Джордана). Суда торговцев продвигались осторожно, с оглядкой, не выпуская лоцманов из виду. В каждом незнакомце, им, вероятно, мерещился кроважидный пират, так и норовивший вцепиться в пухлый трюм.

Наибольшую небрежность по отношению к правилам внутривортового движения выказывала, как ни странно, полиция (что закономерно). Пару раз Кэт не без труда избегала столкновений. Легавые отчаянно сверкали маяками, но войти в диалог не пытались. Громобой понял, что услуги одного из местных ремонтников (сговор, вне сомнений; как и во многих портах, роботы отдавали полиции часть дохода, дабы

те провоцировали столкновения с транзитниками) обошлись бы ему невероятно дорого. Однако, у охотника не было ни малейшей охоты платить лишь за то, чтобы зайти в порт.

Наконец рисковый круиз подошел к концу, и «Versus» причалил у ближайшей заправочной станции. Обслуживающая автоматика тут же осведомилась, сколько тонн топлива Блэйз желал приобрести, уведомив, что их продукт – наилучшего качества на парсеки вокруг.

– Сомневаюсь, – сказал Троуп.

Глядя на монитор, он пренебрежительно сморщил нос. Выбор невелик – всего три типа топлива, популярных среди дальнобойщиков, но слишком грубых для судна охотника. Октановое число заявлено как неправдоподобно-высокое. Если в горючем присутствовала хотя бы половина, уже хорошо. На деле же примести составляли 10-15 %.

Поразмыслив (в последнее время «Versus» не очень-то хорошо себя чувствовал, а прочищать топливный насос, – отличавшийся капризным и требовательным нравом, – стоя по колено в черной жиже, Громобой не желал), стрелок потянулся к передатчику.

На его призывы откликнулись лишь с третьей попытки. Все это время автоматика расхваливала качество местного товара. На мониторе возникло заспанное лицо молодого человека.

– Ну?.. Какие проблемы?.. – небрежно поинтересовался он, не особо церемонясь с клиентурой.

– Проблем нет, – ответил Блэйз, – но они могут возникнуть. В первую очередь, у тебя самого. Заставь своих подручных заткнуться. Хватит заливать про то, как прекрасно на вкус ваше пойло. У моего звездолета от этого дерьма будет изжога... Лучше залей НОРМАЛЬНОЕ горючее. Какое ты заливаешь легавым. – Троуп улыбнулся. – А чтобы убедить тебя, что я и впрямь приближен к этой почтенной публике, вот моя лицензия.

Громобой нажал клавишу, отправляя самоуничтожающуюся копию своей лицензии охотника за головами. Парень бегло на ее взглянул, и, вздрогнув, быстро кивнул.

– Да, сэр. Сию минуту.

– Вот и молодец, – одобрил Блэйз. – Пятнадцать тонн, будь добр.

Отключив передатчик, он поднялся на ноги. Довольно разговоров. Пора действовать. Заправка займет немногим больше часа. За это время можно успеть много дел.

Кэтрин не появлялась. Обиделась, что ли? Троуп мог ее вызвать, однако, нужно ли?..

Пройдя к противоперегрузочному креслу, стоявшему в самом углу, Громобой лег, и, на всякий случай, пристегнулся ремнями. Натянул на голову обод электродов; щелкнул тумблером.

В следующее мгновение конечности его безвольно обмякли. Сознанием охотник был уже далеко. В Сети. Ее обличье кортикальной галлюцинации, проецируемой непосред-

ственно в мозг. В киберпространстве. Перед Блэйзом выросла необъятная решетка, имевшая происхождение не кристаллическое, но математическое. Вдоль осей тянулись ряды массивов, – виртуальные представительства фирм, компаний, агентств, бирж, федеральных учреждений. Все, что угодно. Все, что находилось вовне, во плоти, ютилось здесь бок о бок, предоставляя несоизмеримо большее удобство.

Массивы представляли собой огромные, безупречные, исполненные внутреннего объема фигуры: ромбы, трапеции, тетраэдры, многогранники, и множество других. Все это тригонометрическое буйство уносилось вдаль во всех направлениях, безграничное и беспредельное. Вдоль решетки порхали пользователи – желтые невесомые букашки. Подолгу они нигде не задерживались, и, казалось, замирали лишь для того, чтобы перепрыгнуть на соседний массив. Точно пчелы, залетевшие на цветочный луг, и, ошалеv от счастья, пытающиеся определить, где же самый вкусный нектар. В данном случае лакомством являлась информация. Чем важнее данные, чем меньше конкурентов ими воспользовалось, тем слаще нектар.

Казалось, нет предела этой фантастической системе. И все-таки, предел существовал. Время. Оно обреталось и здесь – в воображаемом мире, лишенном материи. Старые данные превращали сладости в густую, неудобоваримую массу. Но, чем свежее обновление, тем меньше вероятность, что в этом месте кто-то полакомился.

В столице Федерации и ее окрестностях все обстояло несоизмеримо проще. Сетевые источники обновлялись без промедления. Однако, чем дальше к обочине Галактики, тем больший путь предстояло проделать информации. Радиосигналы, как известно, лишены внешней движущей силы, а потому не в состоянии пронзть вакуум, подобно субпространственным двигателям. Поэтому информация передавалась в Космосе двумя самобытными способами. Первый стабилен, громоздок, и не слишком эффективен. Меж миров Федерации протянулась паутина, образованная множеством – миллионы, сотни миллионов – буев. Непроступные электронные форпосты, блуждающие в холодном Космосе; значащие для благополучия державы много больше, нежели какие-либо военные фортеции. Принимая радиосигнал, буй его перерабатывал, и, снабдив «реактивной тягой» (уникальный эффект, достигаемый особой кодировкой радиоволн), отправлял своим коллегам. Так, распространяемое по огромной цепи, растущей в геометрической прогрессии, послание боролось с Пространством и Временем. Однако, даже «тяга» не могла творить чудеса. Проходило несколько лет – по земному стандарту – прежде чем сообщение достигало Границы.

Но – достигало. Без помех, препятствий и заминок. Потому-то данный способ пользовался уважением, что, впрочем, не имело отношения к популярности. «Порталы» – так назывались электронные буи, – считались общепризнанной государственной доктриной. Тем не менее, когда речь шла о осо-

бо экстренных случаях, Федерация дублировала буи вспомогательным способом. Который, в свою очередь, являлся **ОСНОВНЫМ** у коммерческих структур – корпораций, консорциумов, конгломератов, и прочих. Преимущественно, в силу скоротечности процесса.

Способ № 2. Как говорилось, радиоволны не способны сжимать Космос настолько, чтобы расстояние между координатами сокращалась в бесчисленное множество раз (это, собственно, и понималось под субпространством). Означенной способностью обладали двигатели Симмонса. Что, казалось бы, проще?.. Информация, помещенная на борт звездолета, приравнивалась к любому другому грузу. Более того, не требовалось ни выдающейся грузоподъемности, ни колоссального водоизмещения. Ни даже грузчиков. Не удивительно, что Курьеры выделились в могущественную касту. Как правило, убийственно-быстроходные суда, оснащенные банками памяти, мощными передатчиками, и немногочисленным экипажем. Любая солидная компания считала своим долгом иметь собственных Курьеров. Закономерно, что оборудование на посудинах бортовых орудий стало делом времени. Корпоративные Войны вспыхнули и погасли, поглотив миллионы гигабайт и тысячи жизней. Федерации не оставалось иного выхода, кроме как основать Государственную Курьерскую Службу. Открытая конфронтация перешла в форму взаимного недоверия и напряженности. «Война за мобильность» – ледяная и бесстрастная – идущая по сей день.

Но Громобоя это тревожило постольку, поскольку.

Перво-наперво он осведомился, когда у Третьего Марса побывал последний Курьер. Оказалось, три часа назад. Где-то в глухомани Пограничья это приравнивалось к самому что ни на есть СЕЙЧАС. Или раньше – буде такой парадокс возможен. Судно вынырнуло из субпространства, развернуло крылья передатчиков, и, не утруждаясь формальностями, без промедления вывалило на Третий Марс содержимое кремниевых трюмов. После чего, не задерживаясь ни на мгновение, нырнуло в субпространственный тоннель.

Информационные базы получили очередные обновления. Локальная Сеть приблизилась к Глобальной на единственный шаг, тогда как столица продолжала мчаться вприпрыжку.

Однако, охотнику этого вполне достаточно. Не сдержавшись, он кинулся проверять профессиональные рейтинги. Результат оказался не особо утешителен. Блэйз Громобой числился на седьмом месте; коэффициент оставлял желать много лучшего. Общую картину портили «коммуникабельность», «добропорядочность», и «лояльность к властям», – рейтинг подсчитывался путем нехитрых математических операций. Если исходить из вышеозначенных мерил, репутация Тroupa более подошла бы неистовому, презирающему законную власть неандертальцу, что, оставив пещеру, пустился в крестовый поход за головами преступников. Вместе с тем, критерии «профессионализм», «боевые каче-

ства» и «симпатии фэнов» у Громобоя практически зашкаливали. Если, – думал стрелок, – убрать такую ерунду, как «лояльность» и «добропорядочность» (Вот еще! С какой стати охотник должен быть добропорядочным?..), мне нет равных. Но «убрать ерунду» из коэффициента не представлялось возможным. Сервер, на котором размещались рейтинги, – равно как и официальные сведения касательно охотников, – не шел на компромиссы. Это государственный ресурс, что, впрочем, не мешало кибер-крысам снимать неплохие барыши. У любого охотника за головами имелась небольшая (иногда – очень даже внушительная) армия поклонников. Они болели за своих любимчиков, и, как правило, делали ставки. На упомянутом сервере.

Расправа над Пронырой (назвать ту бойню «ликвидацией» язык не поворачивался) упрочила позицию Блэйза, прибавив к рейтингу несколько пунктов. Громобой чувствовал, что вот-вот окажется на самой вершине, как в старые добрые времена. При условии, что «профессионализм» и «лояльность» совпадут. Требовался рывок, жуткое усилие, что не принесло бы стрелку ровным счетом ничего, кроме морального удовлетворения и... 1-го места.

А пока на вершине значилось имя Энджела Доусона. Живая легенда. Шестеро, что отделяли Тroupa от цели, значили не больше, чем звучные имена, заполнявшие столбцы рейтингов. Простые слова. За ними – пустышки. Скатившись по наклонной, эти лояльные граждане навряд ли смогут под-

няться. Ими управляла нажива, тогда как настоящий успех ждал лишь одержимых.

Одержимых, кто подобен голодному волку, взявшему след. Кто будет гнать убийц, пиратов и насильников до края Обитаемой Вселенной. А если потребуется – дальше.

СКОЛЬКО потребуется.

Оставив рейтинги в покое, Блэйз отправился выискивать новую цель. Для подобных изысканий существовал иной ресурс – также официальный, также государственный. Но – более жесткого профессионального свойства. Вход на данный сервер вовсе не являлся свободным, и требовал пройти три степени защиты. Пароли, подсказки, и прочее. Лишь убедившись, что Громобой – и впрямь тот, за кого себя выдает, массив открыл лазейку.

Стрелка ожидало очередное сообщение: поздравление с удачным завершением дела, исходящее от web-модераторов сервера. Еще бы. Троуп прикончил Проныру и вернулся живым. Это кое-чего стоит. Оставив послание – Блэйз видел красную ленту отнюдь не впервые, – без ответа, охотник двинулся дальше. В недра виртуального Штаба. «Стены» пестрели словом «WANTED», повторяющимся десять раз на квадратном метре. Под латинскими буквами, остававшимися неизменными, были проставлены цифры. Четырех, пяти и шестизначные суммы. Персональные, как и имена разыскиваемых. Семизначные суммы служили скорее исключением. Совсем уж индивидуальными были фотографии, размещен-

ные под деталями «технического свойства».

Громобой, не задерживаясь, двигался дальше. Все эти лица были давным-давно им изучены, причем самым тщательным образом. Это, своего рода, зал славы. Если приглядеться, в нижних правых углах афиш можно разглядеть лаконичные фразы – «убит Энджелом», «убит Громобоем», «убит Соловьем», и т. п. Аресты и суды занимали в практике охотников чрезвычайно малый удельный вес. 2-3%. Поэтому их и боялись.

Несколько раз Троуп видел в отдалении чьи-то силуэты. Завидев конкурента, они куда-то торопливо сворачивали, точь-в-точь детишки, пойманные с полочным над банкой варенья. Блэйз их отлично понимал. На нем и самом красовалась маска, не позволявшая увидеть опознавательный код. Сохрани свои замыслы в секрете, и узнай планы противника – тогда ты станешь Первым номером. Временами охотники столь неприлично конкурировали, что это напоминало возню в модельном или шоу-бизнесе.

Чтобы оказаться в Центральном Терминале, Громобой пришлось преодолеть официальный Зал Славы. Не злодеев – неофициальный, – охотников за головами. Доска почета, растянутая на многие мегабайты. Здесь, так или иначе, упоминались все охотники, когда-либо существовавшие, ликвидировавшие (либо задержавшие) хоть одного преступника. Виртуальные стены были увешаны фото и голографическими снимками. Имелись и 3D реконструкции – легенд дале-

кого Прошлого, чей облик приходилось воссоздавать по свидетельствам современников. К портретам прилагались сводки: когда, кого, за какие преступления. У некоторых списки были длинные, у кого-то – короче. Чемпионы физически устранили (либо задержали) несколько сотен злодеев.

Повинуясь какой-то неуправляемой силе, Троуп нашел на стене и себя. Снимок висел на прежнем месте, где ему положено быть. Напротив даты рождения многозначительно стояла пустая графа. Ниже тянулся изрядный перечень. Имена мертвецов.

Отвернувшись, Блэйз направился дальше. Вот и Центральный Терминал. Круглая пещера, чей потолок уходил в необозримую высь. По-прежнему – ни одного свободного клочка. Велика Галактика, и не счесть ее злоумышленников. Wanted, Wanted, Wanted. Некоторые афиши с нескромной назойливостью пытались привлечь внимание. Светящиеся, мерцающие, пульсирующие, меняющие размер и окраску, плавающие буквы, огромные фото. Как правило, такие афиши размещали корпорации, отчаявшиеся заполучить ученых-перебежчиков, продажных служащих, либо промышленных шпионов. В большинстве случаев речь шла о корпоративных секретах. Если награда еще в силе, тайна не разглашена. Дело времени; дохлый номер. Но и охотники имели специализацию.

Следовало искать нечто другое. Скромные, невзрачные афиши, размещенные на государственные средства. Скучно

оформленные, в унылой черно-белой палитре – сплошь циркуляры и стандарты. Однако, под ничем не обязывающим Wanted могло стоять имя мясника, прикончившего десятки людей и Иных. Награда же за его поимку – как правило, «живым или мертвым», – могла быть воистину астрономической. На фоне этой суммы скабрёзные корпорации лишь завистливо вздыхали. Федерация не скупилась, когда требовалось во что бы то ни стало уничтожить взбесившегося зверя. Проще осуществить огромную, но единовременную выплату охотнику за головами, чем содержать раздутый штат легавых, которые в любом случае ничего не предпримут.

Проблема коррупции получила хоть специфическое, но разрешение.

Игнорируя назойливую «рекламу», Громобой пригляделся. Кто у нас провинился сегодня?..

Ба, знакомые все лица!..

Вампир Вальтер, Хромой Ли, Одноглазый Борис, Род Череп. Прочие, прочие. Многие сотни, тысячи имен и прозвищ. Миллионы. Эта орда терроризировала Галактику одновременно, хоть и вразнобой. На ВСЕХ, рано или поздно, находилась управа. В один прекрасный день появлялся меткий охотник, которому приглянулась голова такого мерзавца. Однако, встречались и чемпионы. Самородки, числившиеся в Розыске много дольше незадачливых коллег. Немало счастливицков продержалось один земной год. Меньше – пять. Единицы – десять. Двадцать лет от Закона бегали всего

три злодея. Двое мертвы. Имя третьего оставалось на слуху, что, впрочем, не помешало объявить его вымыслом.

Итак, Троуп всматривался в лица преступников. Лицами, с другой стороны, их физиономии можно назвать лишь с натяжкой. В большей степени это были откровенные морды, выражающие порок и пресыщение. Эдакий парад уродцев, словно все возможные грехи нашли воплощение в человеческой внешности. Самое интересное, уродство касалось не столько Иных, сколь чистокровных людей. Глядеть на то, как собратья по биологическому виду деградировали до животного уровня, было гораздо труднее, нежели созерцать фасетчатые глаза и зубчатые жвала. Иные такими родились.

Вскоре у Блэйза начало рябить в виртуальных глазах. Он не мог определиться (это случалось чрезвычайно редко); что-то его отвлекало. Точно назойливая мошка вилась над ухом.

Рыла, жвала и отвратные морды слились в единое пучеглазое месиво. Громобой на мгновение отвернулся, затем вновь всмотрелся в афиши. Как говорится, глазу не за что уцепиться. Не отдавая отчета в собственных действиях, Троуп активировал служебную программу. Отрешенно, будто со стороны, наблюдал за собою. Это походило на то, как если бы кто-то принял решение за него, стрелка, и теперь беззастенчиво им манипулировал.

Что ж, решение принято. Рано или поздно, ему предназначено осуществиться. Не стоит дергаться. Лучше помал-

кивать, и держать ушки на макушке. Так куда информативнее.

Строка поиска. Блэйз ввел «Янус», и, без доли удивления, изучил длинный список граждан, носивших и носящих оно имя. Усложненный поиск на предмет «Многоликого» сократил число подозреваемых. Всего несколько десятков. Пустячок. Велика Галактика... Большинство Янусов давным-давно отправились на тот свет. А те, что до сих пор коптели атмосферы родных планет, ни в коей мере не являлись легендарными преступниками. Фермеры, торговцы, ремесленники, рабочие. Даже полицейские. Были и преступники. Но никого, кто совершил больше ДВУХ преступлений. До уровня Многоликого – того самого, единственного и неповторимого – далековато.

Кроме того, если бы отыскать истинного Януса оказалось так легко, в обычном Поиске, дело давно бы закрыли. Громобой хотел прощупать почву – проверить, стоит ли двигаться в данном направлении, и что за мины могут ждать дальше. То, что мины встретятся, не оставляло сомнений. Не одна, даже не две. Сперва требовалось решить, делать ли ПЕРВЫЙ шаг, или ограничиться рыбкой поменьше, но чтоб наверняка.

Охотник оставил в строке «Янус Многоликий», прибавил категорию «Иной», и «преступник; Межпланетный Уголовный Розыск». Результат превзошел ожидания. «Совпадения – 1. Многоликий Янус, пират и убийца, признан вымыш-

ленным лицом постановлением № 5458P-5F».

Интересно. Собственно, Троуп знал о решении Правительства и прежде, что и сообщил информатору. Теперь, впрочем, он самолично убедился в наличии такого документа. Если так, то поиски и вовсе лишены всякого смысла. Награды назначают за лиц, живущих в действительности. Найти требовалось отнюдь не легенду. Если бы стрелок знал, ЧТО искать...

Блэйз вновь изменил параметры поиска. На сей раз он пользовался служебной базой охотников. Сюда попадали все те, кто когда-либо числились в Межпланетном Розыске. Памятуя о предыдущем эксперименте – в частности, о тех молодцах, что все-таки исхитрились обратить на себя внимание Закона – Громобой ограничил временные рамки текущим моментом. В поле зрения программы попали лишь те негодяи, что вне Закона по сей день.

«Совпадений – 1. Многоликий Янус. Разыскивается по подозрению в убийствах, терроризме, мародерстве, уго-не транспортных средств, разбоем в Открытом Космосе, и осквернении общественной морали. Живым или мертвым. 10 000 000. Оплата гарантируется».

Троуп не поверил собственным глазам, даром что виртуальным.

Десять миллионов?..

За простое существо (пусть не самое простое, пусть Текучего Иного) из плоти и крови?..

Охотник читал далее. Дата, ознаменовавшая тот день, когда Януса объявили в Межпланетный Розыск. Это случилось двадцать четыре стандартных года тому назад. Целая жизнь.

«Дата рождения: неизвестна».

«Место рождения: неизвестно».

«Биологический вид: неизвестен».

«Пол: мужской».

«Местонахождение: неизвестно».

«Семейное положение: неизвестно».

«Родственники: неизвестны».

И так далее, и тому подобное. Привычки, приметы, отпечатки пальцев, генетический код. На все – один ответ. Отрицательный. Исключительный случай – афиша лишена как снимка, так и фото-робота. Ровным счетом НИЧЕГО не известно. Пол – и тот не очевиден.

Но...

Восемь символов.

За легенду. Его признали лицом, не существующим в действительности. Тем не менее, Розыск по-прежнему содержал информацию касательно Многоликого. Следовательно, плевать хотел на постановление № 5458P-5F. Следовательно, награда еще в силе. Следовательно, ГОЛОВА Януса вполне могла обретаться в действительности.

10 000 000.

У Блэйза закружилась голова (не столько ввиду осознания трудностей, которые встретятся на долгом пути, сколько от

призрачных перспектив). Такой суммы более чем достаточно, чтобы уйти на покой. И на долгие годы обеспечить себя немеркнувшей славой. 1-е место в рейтинге покажется низкой, замшелой кочкой. Если... если Янус падет.

Если его удастся обнаружить.

Живым или мертвым.

Внимательно изучив скудные данные, Громобой вышел из Поиска. Следом – из массива. Следом – из Сети. Раскрыл глаза – такие привычные, такие несовершенные глаза с ничтожной разрешающей способностью, – уткнувшись взглядом в твердые переборки.

Стянул электроды. И еще пару минут лежал неподвижно, пребывая в глубокой задумчивости.

Рядом образовалось зеленоглазое голографическое облачко.

– Прости, дорогой, – сказала Кэт, – но твои исследования не могли остаться для меня незамеченными.

Троуп отрешенно смотрел в сторону.

– Похоже, ты проникся этой идеей не на шутку, – продолжила ИскИн, на сей раз тоном ниже. – Мне тебя не убедить. Но, если хочешь, я могла бы пошарить по своим каналам...

Как и рассчитывалось, это заявление привлекло внимание охотника. Поглядев на девицу, он кивнул:

– Пожалуй.

– Это будет тебе кое-чего стоить.

– Мне?.. Не забывай, ты – моя собственность.

– С какой стороны посмотреть, – парировала Кэтрин. – И потом, разве я многого прошу?..

Блэйз на мгновение задумался. Опять же, с какой стороны посмотреть.

– Наверное, не много. Хорошо, я согласен.

– Вот видишь!.. Скоро вернусь. – Голограмма растаяла в воздухе.

Громобой остался в одиночестве; лежал на спинке кресла, слушая, как топливо наполняет огромные баки – со скоростью несколько галлонов в секунду. Голова наполнилась метущимися мыслями. Рационального там было немного. И что, в сущности, Троуп мог придумать? Той (в высшей степени противоречивой, сумбурной) информации, что он узнал, недостаточно для каких-либо аргументированных выводов.

Что мог знать простой охотник, если даже Правительство и Министерство Внутренних Дел не нашли общий язык?.. Проблема стоило того, чтобы трудиться идти на компромисс. Картина вырисовывалась не особо вразумительная. Обеспокоенное зловещими слухами – чего греха таить, во многом бредовыми и необоснованными, – Правительство предприняло собственное расследование, и, не найдя ничего, подтверждающего существование Януса, закрыло вопрос. Министерство же Внутренних Дел придерживалось иного мнения, при коем, собственно, осталось. Но это – глобально.

Блэйза беспокоил вопрос более приземленного, локального свойства. Сможет ли простой охотник – вроде него, Громобоя, – извлечь какую-то выгоду из всей этой путаницы?..

Вопрос на 10 000 000.

Но посмотрим, что Кэтрин удастся найти. Ее возможности в Сети несоизмеримы с вялыми потугами Троупа. Стрелок представил, как ИскИн несется по информационным каналам Третьего Марса; внимательно исследует узлы, порталы и глухие уголки. То ли глобальная, то ли локальная Сеть. Ограничения налагали не только обновления, а и залежалые архивы. Освобождая пространство, «старье» могли сместить/удалить/ограничить, хотя именно там могли содержаться ценные данные. Что ж, Кэт сделает все, что сможет. Если не она, то кто?.. «Давай, девочка, – думал Блэйз. – Постарайся для папочки...».

ИскИн отсутствовала довольно долго: около часа. Заправка почти окончилась, а Громобой успел проголодаться. Отправившись на камбуз, он, лишенный поддержки Кэт, некоторое время сражался с кухонным оборудованием, прежде чем смастерил себе мало-мальски съедобный омлет. Кофе подоспел сам по себе, без малейших усилий; Кэтрин вернулась.

Зеленые глаза запылали в полумраке – ни дать, ни взять, «дальний» свет фар. Это был фирменный взгляд красотки: хитрый, из-под полуопущенных век. Мол, пора раскошелиться.

– Что нашла?.. – без обвиняков спросил Трупп.

ИскИн взмахнула густыми, иссиня-черными ресницами.

Тонкий пальчик качнулся слева направо:

– Не так быстро. Сам знаешь, спешка в нашем деле не уместна. Да, нашла кое-что. Пришлось потрудиться, но... – Наткнувшись на взгляд охотника, поторопилась. – Избавлю тебя от подробностей...

– Не нужно. Выкладывай начистоту.

– Ладно. Памятуя о той сказочке, которую тебе скормили, я, прежде всего, навела справки о лайнере, что якобы уничтожил Янус. Справочные службы наперебой твердили, что такого судна никогда и не существовало. Я уже собиралась им поверить, когда подвернулось упоминание, что собственник «Altair»'а самоустранился, и все суда переходят во владение новому лицу. Тот, в свою очередь, объявил о смене названий. Дурной признак, как ты знаешь, – зачем-то пояснила Кэт. – Такое случается в тех случаях, когда собственником выступает государственная формация, а на смену ей приходит нечто иное, с более радикальным, либо, напротив, либеральным курсом. Ликуя, я заключила, что это открывает неплохие перспективы для поиска. Не тут-то было. Кажется, целый мир (или планетная система) не мелочь, не пустячок. Однако, Федерация насчитывает миллионы миров, и провинциальная планета могла затеряться, как игла в стогу сена. За неимением магнита, я тыкалась всюду, куда могла.

Блэйз поморщился:

– Ладно, опустим подробности.

– Нет уж, изволь! – ИскИн вспыхнула с деланным негодованием. – Теперь начинается самое интересное. Случайно – на каком-то запущенном массиве – промелькнуло утверждение, будто «Altair» относился к флоту Террана. Ни координат, ни приблизительных ссылок. Такой планеты не обнаружилось ни на официальных картах, ни в справочнике «Мега-Экспресс». Мне не оставалось ничего иного, кроме как заключить, что название сменил не только лайнер, но и МИР, его породивший. А это – уже патология. Ответ дали политические ресурсы. Среди планет, где недавно сменился государственный строй, числился Терран. Теперь он именуется – не много, не мало – Коммуна. Именно это название ныне фигурирует во всех картографических источниках. Старая, как мир, история. – Кэтрин небрежно взмахнула рукой. – Зажравшаяся буржуазия, голодный пролетариат. Низы, которые не могут, и верхи, которые ничего не хотят. Терран рванул, как почка пороха, стоящая на раскаленных углях. Всю власть на планете захватили трудящиеся массы. Они установили диктатуру пролетариата, и...

– При чем здесь «Altair»?..

– При том, что на его борту расположилась вся уцелевшая шантрапа... Точнее, буржуазия. Несколько тысяч. Собрав все, что только можно, они заправили корабль лучшим топливом, и спешно стартовали. Шахтеры и рабочие не кинулись в погоню – обрадовались, что наконец-то избавились

от ленивых нахлебников. И – совершенно напрасно. Ведь капиталисты, наряду с антиквариатом, прихватили золотые запасы планеты.

Кэт выдержала эффектную паузу.

– Допустим, – кивнул Громобой. – И Янус об этом каким-то образом узнал. Лайнер, битком-набитый золотом и жирными аристократами – легкая нажива для рискованного корсара. Судя по всему, факт наличия золота содержался в строгой тайне. А Многоликому кто-то настучал.

– Похоже на то, – согласилась красотка. – Информатором мог быть кто угодно. Десятки тонн бесценного груза – такое в абсолютной тайне не удержишь. Кто-то из пассажиров, экипажа, докеров или даже пролетариата, оставшегося дома... В любом случае, правды мы не узнаем. Осведомителя прикончили, а золото – переплавили и продали.

Охотник скрыл улыбку. ИскИн вещала с энтузиазмом заправского следопыта. Загадка Многоликого заразила ее, ИНФИЦИРОВАЛА. Поселила в памяти крохотного червячка, что вносил в любой процесс незаметные коррективы. Избавиться от вируса не представлялось возможным. Не помогут ни чистки, ни сканеры. Янус поселился в Кэтрин.

Отчего-то эта мысль не понравилась Труппу.

– Ладно. Что мы ЗНАЕМ?..

– Очень немного. Прежде я не интересовалась данным вопросом, не было нужды. Теперь же на Януса у меня заведено особое досье... Удивительно странное, нужно отметить,

досье. – Голограмма сморщила носик, точно самая настоящая девушка. – Ни фамилии, ни фото, ни толкового описания внешности. Ни даже уверенности в том, что этот человек существует в действительности. Но это, скорее, вопрос философский.

– Да уж, – согласился Блэйз. – И все же?..

– И все же, перед нами вырисовывается довольно забавная картина. Отчасти – сюрреалистического свойства. Если на мгновение позабыть показания того бедняги с лайнера, и ограничиться Сетью, то никто никогда не видел Януса, или не способен о том рассказать. Однако, ВСЕ о нем слышали. Фольклор неимоверно раздут. Место нахождения Многоликого меняется в каждой байке. По разным данным, легендарный злодей совершил от пятидесяти, до пятнадцати ТЫСЯЧ тяжких преступлений. Последнее мнится не особо правдоподобным, ведь в этом случае ему пришлось бы совершать несколько правонарушений КАЖДЫЙ день, не отвлекаясь на сон и еду. – ИскИн улыбнулась.

Допив кофе, Громобой изложил свое мнение:

– По-моему, он обычный выскочка, чьи деяния во многом преувеличены – сродни поп-звезд головидения, о которых сегодня все голосят, а на следующий день никто и не вспомнит. Массам необходимы герои, и необходимы злодеи. – Труп едва не брякнул, что охотников сие не касается.

– Не согласна. О Янусе помнят долгие годы. Трудно сказать, сколько именно, но не менее трех десятилетий. И, оче-

видно, еще долго будут помнить. Это, кстати, – вспомнила Кэтрин, – порождает очередные сомнения. Сколько, в сущности, Многоликому лет? Он молод или стар?.. По-видимому, ему не меньше пятидесяти. Конечно, можно полжизни пролежать в анабиозе, вот только это противоречит той массе преступлений, о которой гласит молва. Загадка. Впрочем, с твоими воззрениями насчет людских потребностей я совершенно согласна. Великим злодеем еще НИКТО не родился.

– Верно. Ни один младенец не стоит 10 000 000.

Красотка скривилась:

– Невероятно. Тебя, как всегда, заботят только деньги.

– Это значительно упрощает жизнь. Заботясь о деньгах, я истребляю мерзавцев, притесняющих общество. Значит, выполняю благую – во всех отношениях – социальную роль.

– Неужели... ты гонишься лишь за миллионами?!

Блэйз на мгновение задумался. Не за миллионами. Конечно же, нет. Он был честен с собой.

– Ты знаешь, что нет. Это будет достойным завершением карьеры. Если удастся. – Стрелок усмехнулся. – Зато Янусом, похоже, движет исключительно нажива. И – выживание. Он не станет колебаться, прежде чем меня продырявить... Помешав, тем самым, получить награду.

– Да, я знаю. Прости, – неожиданно проговорила Кэт.

– Ерунда. У нас есть зацепки?..

– О каких зацепках ты говоришь?.. – ИскИн хитро улыб-

нулаась.

– О информации, – терпеливо пояснил Громобой, чувствуя нечто важное. – О зацепке, при помощи которой мы могли бы распутать этот клубок. Неоправданно раздутый поп-феномен Многоликого. О нити, что неминуемо приведет нас к цели.

– Теперь я поняла, – протянула Кэтрин. – Ты говоришь о данных, касающихся самого выдающегося преступника современности?.. Человека или Иного, ставшего легендой при жизни?.. О сведениях, разыскать кои пытаются сотни охотников, тысячи дилетантов, и два научно-исследовательских института?.. Ты говоришь об ЭТИХ данных?..

Троуп кивнул:

– Именно. ЧТО ты нашла?..

– Да так, кое-что. – Голограмма триумфально приосанилась. – Вероятно, ничего особенного. Возможно, это не имеет ни малейшего отношения к делу. Тем не менее, любопытно.

– Не тяни резину. Выкладывай.

– В общем, Янус промышляет – помимо прочего – грабежом в Открытом Космосе. Если вновь отбросить рассказ Джона Дональдсона (нет никаких подтверждений, что Янус причастен к исчезновению лайнера), о пиратских стремлениях Многоликого свидетельствуют и сотни прочих историй. Собственно, его официально обвинила в пиратстве Федерация. – ИскИн подняла ручку, предупреждая какое-ли-

бо нетерпение. – В общем, пиратство – довольно прибыльный, равно как и хлопотный бизнес. Нынешних торговцев голыми руками не возьмешь, а то, чего доброго, и не угонишься. Многие нанимают охрану. Поэтому корсарам необходимо иметь быстроходный, маневренный, прекрасно вооруженный корабль, чтобы догнать и выпотрошить добычу, а в случае чего – отбиться от сопровождения. Вряд ли Янус – исключение. Наш осведомитель признался, что несколько приукрасил рассказ Дональдсона. В частности, насчет звездолета. И – не во многом ошибся. Интуитивно он знал, как обстоят дела.

– Я понял твою мысль, – сказал Блэйз. – Пираты – парни состоятельные. Они, как правило, скупают корабли на черном рынке – списанные, военные. Либо же, напрямик, у флотских – новенькие, только-только из верфи, в целлофане и масле. И уж совсем немногие могут себе позволить индивидуальный заказ. На таких подрядах подвизались некоторые корабельщики... Их можно пересчитать по пальцам. Они практически недосыгаемы.

– Ошибаешься. Одного вполне можно коснуться. Пощупать за брюшко, так сказать.

– Кого именно?.. – скептически поинтересовался Громобой.

– Чугунный Билл. Помнишь?..

– Ага. – Охотник вспомнил неприятный инцидент. – Такого ублюдка так просто не забудешь.

– На него крепко насели легавые. В частности, Налоговый Комитет. Управление по особо злостным. Как тебе известно, неплательщик из Билли – отменный. В своих верфях он зарабатывал сотни тысяч. Возможно, скопил два-три миллиона. Дорогие заказы на яхты, быстроходные тягачи, и тому подобное. Ультрасовременные двигатели?.. Пожалуйста. Вооружение?.. Какое угодно. – Кэтрин хихикнула. – Связь Билла с пиратами – ни для кого не секрет, но копы не могли найти прямых доказательств. Мерзавец на редкость осторожен. Кроме того, его личный флот – восемь эсминцев – тоже кое-чего стоит. Поэтому легавые провернули ключ в другую сторону. Гораздо проще доказать, что Билли много лет уклонялся от уплаты налогов, нежели то, что построенные им суда служат пиратам. По индивидуальным, баснословно дорогим подрядам.

– Допустим. А куда пропали эсминцы?..

– Вот именно – пропали. В Глубоком Космосе, далеко за Пограничьем. В Сети судачат, что копы все-таки приложили к этому руку. Официально же дело выглядит следующим образом. Некто Оливье Бомонд, по прозвищу Сольери, снарядил крупный – по меркам простых гражданских – флот, с целью исследования и освоения ближайших к Окраине миров. То ли не найдя ничего, то ли, напротив, отыскав слишком многое, он забрался чересчур глубоко. Где и пропал. Что случилось, на кого (или что) он наткнулся – неизвестно. Будто в воду канул. Вот уже несколько месяцев. За Границей

такое случается. Временами пропадают патрульные корабли, а население наиболее отдаленных миров, как утверждают, просто исчезает. – Красотка картинно закатила глаза. – Говорят, к этим мрачным событиям причастны мои обезумевшие собраты – Дикий Рой, – но я считаю, что дело все-таки в Угрозе, что таит Глубокий Космос. Человечество забралось слишком далеко, а Вселенная – безгранична. Мало ли, что таится во тьме. Кроме того, зачем ИскИну, пусть даже безумному, похищать население целых планет?..

– Чего?.. – Троуп помотал головой. – Чушь какая-то. При чем здесь Билл и его эсминцы?..

Кэт пристально на него поглядела.

– Иногда я спрашиваю себя – что я в тебе нашла?.. Заурядный тугодум, причем с мужицкими манерами. Неужели не понятно?.. Сольери сделал Биллу предложение, от которого тот не смог отказаться. Флот Оливье состоял, преимущественно, из транспортных и исследовательских судов. Эсминцы же были необходимы для охраны. К примеру, от пиратов, которые могли принять караван старинных развалюх, с трудом набирающих скорость для броски, за тяжелогруженных торговцев. Но флот Билла, как мы видим, Бомонду не помог.

– Эсминцы не вернулись?.. – задумчиво проговорил Блэйз. – А налоговики решили, что лучшего случая, чтобы пощупать Билла за мошну, не представится?.. Возможно.

– Сомневаешься, имеет ли Билл какое-то отношение к

Янусу?.. – спросила Кэтрин, и, когда охотник кивнул, продолжила: – Со всей определенностью, мы не узнаем, пока не спросим сами. Шансы невелики, и все же они есть. Многоликий любит все самое лучше, а Чугунный Билли строит лучшие пиратские корабли на многие парсеки вокруг. Такая штука, как репутация, кое-чего стоит. Во всяком случае, больше, чем все полицейские уловки. Кроме того, копы не торопятся объявлять Билла в Розыск, поэтому у нашего кораблестроителя не будет причин, чтобы отказать охотнику в аудиенции.

Гробомой прокрутил услышанное в голове.

– Неужели мы первые, кто до этого додумался?.. Десять миллионов заставят зашевелиться кого угодно.

– Ты удивишься – не первые.

– Вот как?.. – стрелок поднял бровь. – Кто же еще?..

– Доусон.

– Энджел?.. Ему-то что понадобилось?..

– Опять же, мы не узнаем, пока не встретимся с ним лицом к лицу. Намерения охотника такой величины всегда покрыты мраком. Тем не менее, в Сети болтают, что его привлекла шумиха вокруг Билла. Поскольку, повторюсь, последнего не объявили в Розыск, причина может заключаться в Янусе. Либо в том, – предположила ИскИн, – что корабельщик задолжал Энджелу денег. В этом цели охотника совпали бы с намерением налоговиков.

– Стало быть, можно не дергаться. Доусон вытрясет из Чу-

гунного Билла все, что можно.

Голограмма улыбнулась:

– Только в том случае, если мы его не опередим. Энджел стартовал раньше, но путь ему предстоит неблизкий. В настоящий момент наше расстояние от верфей вдвое короче.

Троуп улыбнулся в ответ. В груди просыпалось подзабытое чувство, по всем признакам напоминающее азарт. Вот и случай, о котором Блэйз мечтал – оставить Доусона в дураках.

– На месте Януса, я бы сильно встревожился. Жизнеспособность Билла – вопрос считанных дней.

– Не думаю. – Кэт покачала головой. – Многоликий его не тронет.

– Почему?..

В следующий миг девушка преобразилась. Откровенное платье сменилось деловым костюмом: на фасон тех, в каких предписано щеголять сотрудникам сферы образования. Пальцы держали указку, а стена камбуза обратилась в школьную доску.

Эффект был достигнут – Громобой сразу же почувствовал себя учеником, не выучившим урок.

– Во-первых, – начала «преподаватель» Кэтрин, – Янус не дурак, чтобы соваться в осиное гнездо. Верфи осадили легавые и налоговики. Плюс ко всему, туда мчится Энджел. Теперь вот – и мы. Многоликий оказался бы волком в овчарне. Он это отлично понимает, поэтому никуда не полетит. –

На доске высветилось «1. Ляжет на дно, затаится». – Второе. Если Янус так долго водил Закон за нос, его база наверняка мобильна. Проще сменить дислокацию, чем подвергаться неоправданному риску. – Доска послушно вывела: «Переехать, не соваться в овчарню». – В-третьих, Билл может попросту НИЧЕГО не знать. Так, скорее всего, и обстоят дела. – «Удручающая некомпетентность».

Некоторое время Троуп молча тарашился на эту фразу.

– Однако, – сказал он наконец, – ты считаешь, нам стоит попробовать?..

– Отчего бы и нет?.. Нам все равно нужно куда-то лететь, – резонно заметила ИскИн. – Чем плохи верфи Билли? Глядишь, подвернется что-то более существенное, чем древние байки.

– Посмотрим. Каковы наши шансы?..

– Скажем, 1,5 из двух тысяч. Это очень неплохо, учитывая широту проблемы, а также то, что над ней, на протяжении трех десятилетий, бьются и более крутые ребята, чем мы.

– Вот уж загнула!.. – рассмеялся Блэйз. – Таких-то крутых, пожалуй, еще не было!..

– Советую тебе не задирать нос, – серьезно сказала Кэт. – Тем не менее, стоит попробовать. Попытка не пытка. Это, милый мой, я тебе как профессионал говорю – не кто-нибудь.

– Значит, мы в деле?..

Голограмма не сводила с него огромных глаз.

– Ты и сам это понял. В тот самый момент, когда увидел афишу с семизначной суммой.

Громобой понял, что она права.

– Ты права. Мне никуда от этого не деться. Как молния мчится к столетнему дубу, не в состоянии избежать удара, так и я настигну свой Рок. Это предначертано.

Охотник умолчал о своей затаенной надежде – что тот миг, когда он настигнет цели, ознаменуется ослепительной, кратковременной вспышкой, которую будет видно издалека... Что оная вспышка не будет значить то же, что и для молнии – погибель, уничтожение. Год за годом любопытствующие станут бродить вокруг дерева, расщепленного мощным ударом, пытаясь представить драму, что тут разыгралась.

«Здесь погиб Блэйз Громобой».

Усилием воли Троуп отогнал эти мысли. В глубине души он знал, что все так и будет.

– Загрустил?.. – Кэтрин мигом вернула откровенный наряд; школьная доска испарилась. – Не стоит. Похоже, этого не миновать, как ни стараться. Ты не забыл? За тобой должок.

– Само собой.

Навряд ли, впрочем, это можно назвать долгом. ИскИн обязана исполнять прямые приказы. Ее так запрограммировали. Однако, Блэйз привык к ее показной независимости, и не любил напоминать о субординации. Более того, порой

он поощрял ту неповторимую индивидуальность, что жила в логических цепях Кэт. Точно она живая.

– Но сперва – определимся. Стартуем?..

Громобой поколебался. Стоит сказать «да», и обратного пути не будет. Это как слишком сильно оттолкнуться от корпуса судна, когда производишь наружный ремонт – и все. Вакуум потащит за собой, засосет в неизвестность. Если наплюешь на страховку.

Неожиданно Троуп понял, что не слышит гула насосов. Заправка завершилась, но паренек тактично не торопил хамоватых гостей. Тянуть резину не имело смысла.

Неизбежности не избежать – по определению.

– Да, – сказал стрелок.

В тот же миг взревели турбины. Привычный звук прогнал тревогу, поселил в душе уверенность. «Versus» оторвался от швартов, и, набирая скорость, поплыл к границе порта.

Блэйз встал из-за стола и двинулся в рубку, к противоперегрузочному креслу. Он страшился и одновременно желал того, что вот-вот произойдет. Из динамиков донеслось:

– В крайнем случае, ты сможешь заняться работой и там – глядишь, копам все надоест, и они отправят Билла в Розыск!.. – Странное заявление сопровождал звонкий смех.

Посмеиваясь, Громобой расположился в кресле. Переборки мягко вибрировали – корабль брал разгон. Помедлив мгновение, охотник вновь надел троды. Остывшие, холодные.

– Вот так, дорогой, – сказали динамики.

Кэтрин не показывалась намеренно, – чтобы не испортить впечатление. Трупп увидит не голограмму, отнюдь. Жаль только, не воочию. Сглотнув в пересохшее горло, Блэйз рванул тумблер.

Вновь киберпространство. На сей раз – крохотное, суженное до предела, ограниченное корабельной сетью. Как и следовало ожидать, девушка здесь также была – прекрасная, обнаженная. Громобой потянулся к ней, и она прильнула к нему. Кибер-объятия, лишённые теплоты и мягкости истинной кожи. Стрелок отогнал мысль, что это – морок, НЕреально. По-другому не будет. Значит, это единственная реальность, имевшая значение.

Для обоих.

Любовники слились в слаженном ритме. Губы искали губы, виртуальные тела соприкасались. Когда Трупп ощутил в паху тугой узел, готовый лопнуть с секунды на секунду, «Versus» упал в космическую бездну. Субпространство сомкнулось над корабельной сталью.

Узел разорвался, выпуская содержимое.

Два дня спустя, в созвездье Одиссея.

Блэйз разглядывал в иллюминатор орбитальную станцию. Сухие доки Чугунного Билла представляли собой впечатляющее зрелище. Огромная конструкция, парящая над багровой планетой, насчитывала тысячи и тысячи тонн водоизме-

щения. Светило эффектно озаряло сложную конструкцию. Радиационные лучи балансировали на радарах, острых углах и блестящих поверхностях. Гигантские шлюзы, в которые мог пройти крейсер средних размеров, были наглухо задраены. Точно говорили: «Убирайся, чужак».

Верфи бороздили космос в гордом одиночестве. Ни эсминцев, ни чего-либо иного. Это, впрочем, не значило, что Билл оставил свой дом на произвол Судьбы. Будучи трезво-мыслящим человеком и неплохим коммерсантом, он давно усвоил пословицу насчет того, что дом являлся и крепостью. Доки ощетинились многими десятками стволов, уподобившись причудливому дикобразу. Теперь это была крепость, твердыня.

Остается лишь догадываться, какая шумиха (собственно, шум в Космосе – явление чрезвычайно редкое) здесь стояла, когда верфи приготовились к длительной осаде. Тысячи красных, зеленых, желтых огней, пульсирующих во всевозможной последовательности; раскрывающиеся торпедные люки; орудия, вздымающие тупые стволы.

В отдалении от станции расположились силы блокады. Два эсминца, четыре торпедных катера, старый крейсер. Не Бог весть что, но под руководством опытного офицера данный флот мог выполнять серьезные боевые задачи. В частности, обезвредить доки, до предела – и вопреки Закону – напичканные тяжелым вооружением. Однако, не похоже, что корабли предпринимали попытки. Они заняли стратегиче-

ские позиции на подходах к станции, блокируя какое-либо перемещение в этом секторе.

Расстояние также выдавало грамотный подход: от трех, до четырех тысяч километров. Золотая середина. Достаточно, чтобы вовремя обезвредить торпеду или артиллерийский снаряд. И – недостаточно, чтобы у противника возник соблазн пустить в ход дальнобойные орудия. Как то – лазерные установки. Для них дистанция не имела значения. Десять километров, десять тысяч – не суть важно. Вместе с тем, у каждого положительного момента имелась и отрицательная сторона. Сама природа лазера.

В течении столетий стратегия и тактика космических батальонов – беззвучно громыхавших в беспредельной пустоте, озаряемой светом равнодушных светил, – претерпевала коренных изменений. Силовые (энергетические, защитные) щиты, о которых грезил писатели и ученые, остались несбыточной мечтой. Многочисленные разработки не нашли применения на практике. Ни единое силовое поле не в состоянии остановить летящий снаряд. Для лазера же поля и вовсе не представляли помехи. Однако, непреодолимую преграду для оных лучей представляло самое тривиальное зеркало.

Эта технология использовалась и по сей день. Корпуса кораблей покрывались особым отражающим слоем, благодаря чему звездолеты сверкали, словно елочные украшения. В определенный период сражения превратились в приветственный обмен световыми сигналами. Уязвимыми остава-

лись лишь открытые дюзы, и немногие поверхности, лишенные отражающего слоя. Зато со стороны баталии смотрелись весьма любопытно.

В моду вновь вошла артиллерия. Допотопные орудия, примененные в качестве эксперимента, произвели ошеломительный эффект. Корпуса звездолетов были практически лишены брони (отражающий слой имел одно немаловажное достоинство, не имеющее никакого отношения к массе и прочности), благодаря чему снаряды, выпущенные с большой кинетической энергией, пробивали суда насквозь. Таким образом, броня и артиллерия правили бал. Одного попадания, чтобы пробить остов, стало недостаточно, но его хватало с избытком, чтобы устранить отражающий слой на огромной площади. Этой проплешины, в свою очередь, вполне хватало лазером.

Космические баталии заметно усложнились, отнюдь не утратив своей занимательности.

Обо всем этом Громобой размышлял, поглядывая в иллюминатор. Скоро «Versus» преодолет незримый барьер, оказавшись, тем самым, в зоне действия блокады. Троуп придерживался малого хода, врубил по всему борту прожекторы, и намеренно оставил обшивку непроницаемо черной – общепринятое свидетельство добрых намерений. Едва только мимикрирующий покров станет блестящим и гладким, жди подвоха.

Звездолет пробирался сквозь мерзлый вакуум, похожий

на какое-то глубоководное существо, выделяющее фосфоресцирующий свет. Лучи прожекторов резали Космос на куски. Иллюминаторы пылали желтым огнем. И все-таки, невзирая на грозную внешность, «Versus» оставался совершенно беспомощен. Торпедные люки наглухо задраены, орудия тоскливо опустили стволы. Блэйз ждал, не стараясь объявить о себе.

Легавые увлечены станцией (настроили радары и датчики, вытаращили воспаленные глаза), не упуская ни единого движения, ни малейшего выброса воздуха, но не обращая никакого внимания на то, что творилось у них за спиной. Это охотника несколько обескуражило. Он привык появляться эффектно, в эпицентре всеобщего внимания.

Когда расстояние до станции достигло отметки «4010 км.», Громобой застопорил ход.

Кэт подала голос, не утруждаясь голограммой:

– Милый, ты выдающийся стратег. Тебе удалось застать этот жалкий флот врасплох. Возможное, стоит поинтересоваться, сколько Билли даст за вызволение из блокады?..

– Не глупи.

– Это не глупости. Мы без труда сожгли бы добрую половину этого цирка. Как бы там ни было, нам лучше заявить о себе. Просто из вежливости. – Динамики многозначительно умолкли.

– Обойдутся, – буркнул Троуп. – Тебе ведь известно, что бывает, когда к кому-то подкрадываешься, и хлопаешь по

плечу. Бедолага может навсегда остаться заикой. Он даст тебе по морде, или, по меньшей мере, на него нападает икота. Тот же, кто обладал ударной мощью настоящего крейсера, разразится воистину страшной икотой.

– Трусишка, – укорила ИскИн. – Сколько нам здесь болтаться?.. Пока не появится Доусон?..

Схожая мысль долгие часы крутилась у Блэйза в голове. Они опередили Энджела.

Не могли не опередить.

– Рано или поздно, нас заметят, – упрямо сказал он. (Невидимая спутница тактично промолчала).

Так и случилось – спустя полчаса.

Их обнаружили; со стороны это смотрелось крайне забавно. Один из торпедных катеров, расположенный ближе остальных, будто бы оглянулся, и, вздрогнув, – подумать только, неопознанный звездолет в непосредственной близости!.. – включил двигатели. Из дюз вырвалось желтое пламя. Ловко маневрируя, катер направился к «Versus»'у, придерживаясь экономичного хода. Прочие не шевелились. Действие оживилось.

Стрелок взглянул на тактический дисплей. Тот с готовностью высветил все характеристики катера, включая водоизмещение, мощность турбин, и полное вооружение.

Внезапно ожил передатчик:

– Неизвестное судно! Застопорить ход!.. – голос был командирский, привыкший повелевать.

– Давно застопорил, – проворчал Громобой.

– Назовите себя!..

– Кэт?..

– Уже, любимый. Твоя лицензия – пропуск в любые, самые экзотические уголки Галактики.

– Так-так, – сказал передатчик. – Охотник за головами.

Что вам здесь понадобилось?..

– Я – представился, – заметил Троуп. – Теперь ваш черед.

– Отвечайте на вопрос!..

– Это МОЕ дело. Закон вменяет вам в обязанности – кто бы вы ни были – оказывать охотникам посильную поддержку. И, само собой, не чинить препятствий в исполнении операций.

– Еще один стервятник!.. – бросил «командир». – Тут нет никого, за кого назначена награда.

– Возможно. Возможно, вы ошибаетесь. В любом случае, я не хотел бы обсуждать это в эфире. Что до стервятников, то мы, в сущности, делаем вашу работу. Не больше, не меньше.

– Сущие мальчишки, – прокомментировала Кэтрин.

Некоторое время передатчик помалкивал, переваривая дерзость. Наконец сообщил:

– Приготовьтесь к осмотру. Мы идем.

Торпедный катер ускорил ход. Гладкий, хищный, пылающий начищенным хромом (отражающий слой выведен на максимум). Торпедные люки раскрыты, – два из шести. Это был единственный звездолет во всем «цирке», оборудован-

ный системой «умных торпед». Одна из торпед, именуемых «носителями», содержала некоторое число «вспомогательных» зарядов. Оные подручные обладали собственным интеллектом, и были способны поражать цели автономно друг от друга (или «носителя»).

И поэтому, несмотря на показную уверенность, Блэйз отнюдь не испытывал того хладнокровия, которое выказал в беседе. По-видимому, копы мнили себя на линии фронта.

Катер приближался. Перешел на малый ход, и, описав плавную дугу, поравнялся с «Versus»'ом. Маневрирующие двигатели выбрасывали за корму ослепительно-белые струи. Сблизившись с черным кораблем до минимального расстояния, налоговый выдвинул стыковочный шлюз (именуемый в простонародье «хоботом»). Переход с борта на борт стал возможен без скафандра, и прочего страховочного оборудования.

Звездолеты, сцепившись короткой пуповиной, повисли посреди необъятного Космоса.

В «хоботе» жутко загрохотало. Шум производился ногами, обутыми в «ботинки космонавтов», к подошвам которых крепились магниты. Большинство космических бродяг (дальнобойщики, торговцы, охотники за головами) считали эту обувь на редкость дурацким изобретением. Они не только затрудняли перемещение при функционирующей гравитационной установке, но и не позволяли использовать преимущества невесомости. Тем не менее, флотские неохотно

расставались со старыми привычками.

Едва стихли громopodobные шаги, как загрохотали в шлюз «Versus»'а – вероятно, кулаками, «подкованными» на подобие ступней. Проворчав ругательство, Громобой включил внешнюю камеру. Внутри «хобота» находились четверо. Троуп хотел оскорбиться, что его недооценили, а затем сообщил, что это ВЕСЬ экипаж катера. Некомплект – обычное дело у копов, стремящихся сэкономить, где только можно.

– Нужна поддержка?.. – осведомились громкоговорители.

– Нет, спасибо. Думаю, справлюсь сам.

– Подумай, – настаивала ИскИн. – Они выглядят нервными.

– На их месте я бы тоже встревожился. – Блэйз криво усмехнулся. – Ладно, будь рядом.

– Как, впрочем, и всегда?.. – заметила Кэт с долей сарказма.

Стрелок молчал, вглядываясь в монитор. (Стук не затихал.) Помедлив, вдавил клавишу.

Створки шлюза разъехались в стороны, и четверо фигур скользнули внутрь. Копы продвигались с опаской, подозрительно изучая каждую тень. Бластеры не вынимали, но непрерывно брались за рукояти. Громобой наблюдал за ними посредством замаскированных камер, и, улыбаясь, думал о том, сколько сюрпризов могла бы им подготовить каверзная Кэтрин. Ребята запомнили бы этот денек до конца своих дней.

Поднявшись с кресла, Троуп двинулся к выходу из рубки. Как раз вовремя, чтобы встретить гостей на самом пороге. Те, вздрогнув от неожиданности, вновь дернулись к бластерам.

Вперед выступил сухопарый паренек лет двадцати шести. Темные глаза настороженно следили за Блэйзом. Губа – под гадкими тонкими усиками, – странно подергивалась. По-видимому, нервный тик. Как и трое остальных, парень был облачен в китель налоговой полиции. Знаки отличия со значением утверждали, что это целый капитан 3-го ранга. Спутники, – куда более массивные и примитивные, – мичман и рядовые.

– Мистер Троуп?.. – Усики пошевелились. Паренек обвел рубку взглядом. – А у вас тесновато.

– Вот как?.. В таком случае, господа, у вас не будет повода задерживаться. Говорите, за чем пришли, и отваливайте. – Громобой почувствовал прилив раздражения.

В динамиках раздалось предостерегающее шипение.

– Вы не очень-то гостеприимны. – Капитан насупился. – Мы взошли на борт, дабы осуществить стандартную, в сущности, процедуру – досмотр судна. Полномочия налоговой службы...

– Погодите с полномочиями, – оборвал охотник. Перехватывать инициативу в беседе ему совершенно не свойственно. Блэйз просто брал ее, когда требовалось, и ни перед кем не отчитывался. – Вы получили копию моей лицензии, теперь

ваш черед представиться.

Паренек оглянулся, точно ища у спутников поддержки, затем, приосанившись, отвечивал:

– Я – капитан третьего ранга Майкл Джонатан Фортс. Это – мичман Дуэйн. Теперь...

– А они?..

– Что?.. – не понял Фортс.

– Кто они такие?.. – Троуп кивнул на двух неназванных, почувствовавших себя очень неуютно.

– Рядовые Флорейн и Маккаммон. Какое это имеет значение?..

– Громадное. – Стрелок кивнул, вкладывая в это слово целую тонну значения. – Мы собрались здесь, как добропорядочные граждане, и... офицер. Чтобы продолжать беседу, нам необходимо, по меньшей мере, знать имена. Вы так не считаете?.. – Он обращался исключительно к рядовым.

Те неуверенно закивали.

Капитан 3-го ранга, видя такое безобразие, побагровел. Усы задергались пуще прежнего.

– Молчать!.. Хватит ломать комедию!.. Приготовьте судно к осмотру! Что вы себе позволяете?..

– Молодой человек, держите себя в руках, – Громобой с укором покачал головой. – Вы не на своих именинах, а на борту частного корабля. Кроме того, вы общаетесь с людьми, каждый из которых превосходит вас возрастом, и зарекомендовал себя в индивидуальной сфере деятельности. – С этими

словами он вновь взглянул на рядовых.

Те улыбались, игнорируя начальство. Судя по всему, Блэйз затронул наиболее болезненную тему.

Видя, что так и до мятежа недалеко, Фортс взял себя в руки. Краснота схлынула, оставалось приструнить не на шутку разошедшийся ус (с помощью которого, казалось, можно взбивать йогурт или сливки – стоит приклеить небольшую ложечку)отник за головами. я й?лось,

– Да кто, вообще, вы такой?!

– Вам сие прекрасно известно, – улыбнулся охотник. – Блэйз Троуп по прозвищу Громобой.

Рядовые переглянулись. Даже мичман утратил невозмутимость. Похоже, им отлично знакомо это имя, а еще лучше – прозвище. Стрелок чувствовал себя польщенным.

Но на капитана имя не произвело никакого значения. «Вероятно, он не из моих фанатов», – решил Троуп. Еще больше насупившись, парень шагнул вперед и расправил плечи.

– Не знаю, мистер, какого вы там мнения о себе – мне, в сущности, это глубоко безразлично. Перед Законом все равны. А посему будьте любезны уважать его служителей, равно как и эту форму, – он многозначительно постучал пальцем по бляхе, висевшей на груди.

– Что ж, форму я уважаю, – признался Громобой. Налоговые декларации действительно наводили на него неизъяснимый трепет. Перед бумагой он был бессилён. – Закон – тем более.

– Однако, не ТЕХ, кто носит означенную форму, – продолжил Фортс, уловив самую суть.

Блэйз улыбался. Он чувствовал, как гадкие мыслишки трутся друг о дружку в голове собеседника. Ситуация зашла в логический тупик. У Тroupa не было никакого желания предоставлять звездолет для досмотра. На борту действительно имели место две-три не вполне законных вещишки, но как же без этого?.. И потом, корабли охотников досматривались в исключительных случаях, а данный, похоже, таковым не являлся.

– Вижу, вы не настроены сотрудничать, – сообразил капитан. – Если не желаете по-хорошему...

Рука его потянулась к кобуре. Но прежде, чем пальцы коснулись рукояти бластера, в руке Громобоя возник пистолет. Материализовался из пустоты. Рядовые и мичман выпучили глаза. Такого фокуса, вероятно, им видеть еще не доводилось. Сам же Фортс изумленно разинул рот. Пальцы, находившиеся на расстоянии нескольких сантиметров от кобуры, мелко дрожали. Паренек, скрывавшийся под серой формой, был не на шутку испуган. Действительно, откуда ему знать, что перед ним стоит не кто-нибудь, а один из лучших (многие утверждали, что САМЫЙ лучший, и Блэйз не спорил) ганслингеров в этой части Галактики?.. Само собой, ни о каких попытках обнажить оружие не могло идти и речи. Тroup, не задумываясь, пустил бы пулю в горячую голову.

– Даже не думай, сынок, – посоветовал он.

Из глаз стрелка испарилось всякое веселье. Теперь они смотрели пристально, сосредоточенно. Не моргая, будто принадлежали ядовитой змее. На дне плескалась холодная ртуть.

Рядовые переминались с ноги на ногу, не понимая, что делать. С одной стороны – начальство. С другой – перспектива получить пулю промеж глаз. Они-то ЗНАЛИ, кто такой Блэйз Громобой.

– Что, выстрелите?.. – спросил Фортс дрогнувшим голосом.

– Естественно. Закон – на моей стороне. Это – обычная самооборона. – Троуп не кривил душой. Он знал, что прав. – Поэтому остыньте, капитан. По-плохому просто не выйдет.

Парень кивнул. Рука медленно отодвинулась от бластера.

– Хорошо. Опустите оружие на пол, и мы поговорим. Я, знаете ли, неуютно себя чувствую.

– Поговорим?.. – уточнил Блэйз. – И вы не заикнетесь о досмотре?.. Знаете ли, у меня нет времени.

– Да, – не колеблясь, подтвердил Фортс. Взгляд его не отрывался от вороненого ствола.

– Хорошо. – Опустив пистолет, Громобой осторожно положил его на пол. – Что дальше?..

– НИЧЕГО. – Дернувшись, капитан 3-го ранга (оказавшийся порядочной сволочью) выхватил бластер. – Ничего хорошего. Во всяком случае, для вас. Сейчас мы произведем досмотр.

В глазах парня пылало торжество. Подчиненные ошалело на него уставились. Даже они, судя по всему, не ожидали подобного коварства. Что уж взять с простого охотника?..

Внезапно рядом с переборкой появился новый персонаж – златокудрая девица в откровенном наряде, почти не скрывавшим наготы, а, напротив, подчеркивавшим оную.

Налоговики во все глаза уставились на незнакомку. Именно это раздосадовало Тroupa более всего во всей этой истории – он и сам не вполне отчетливо понял, отчего.

Тем не менее, стрелок не стал терять времени. Он стукнул ногой об пол, и с притолки упал второй пистолет. Аккурат Блэйзу в руку. Клацнув предохранителем, охотник направил ствол между поднятых бровей Фортса. Будто бы ничего не изменилось. Если не считать лежавшего на полу пистолета, и бластера в руке парня.

Последний, впрочем, держал оружие не особенно верно. Появление же девицы напрочь сбilo прицел. Обнаружив, что сел в лужу, капитан не стал предпринимать активных действий, а медленно опустил бластер. Незнакомка, не мешкая, растаяла в воздухе.

– Так будет продолжаться бесконечно, – солгал Громобой. – Всякий раз, когда вы что-то пообещаете, а затем не оправдываете моих ожиданий. Необходимо выходить из этой ситуации. Наставлять оружие на человека – это не метод, уж можете мне поверить.

Фортс кивнул с пораженческой гримасой.

– Ладно, ваша взяла. – Он попытался вернуть бластер в кобуру.

– Погодите. Лучше отдайте оружие одному из своих спутников. – Троуп повел стволом в сторону молчаливой троицы. – Они кажутся поспокойней. Если выбросите очередной фокус, я не стану церемониться. – Блэйз смерил парня красноречивым взглядом.

Поколебавшись (какое унижение, только подумать!), капитан все-таки передал бластер мичману. Тот, не без труда подавив ухмылку, сунул длинный ствол за пояс.

Охотник вложил пистолет в кобуру. Налоговики облегченно вздохнули. Вероятно, по-прежнему недооценивали ситуацию. С аналогичным успехом Громобой мог удерживать гостей на мушке. Достать оружие – дело неуловимых, десятых долей секунды.

Фортс скрежетал зубами от злости. Он и сам понимал, что о досмотре и речи быть не могло. Тем не менее, требовалось осуществить какие-то функции. Что отнюдь не просто сделать, когда «обследуемый» так неуступчив, и отменно вооружен.

– Занятный фокус, – сказал наконец парень, кивнул на то место, где стояла девица.

– Да уж, – согласился Троуп.

– Гм... Так что, говорите, вам здесь понадобилось?..

– Я не говорил. А прибыл затем, чтобы повидаться с одним давним знакомцем. Звать его Билл. Чугунный Билл, –

пояснил стрелок на тот случай, ели Биллов в рядах легавых пруд пруди.

– Зачем он вам?.. – спросил капитан. Очевидно, он догадывался, что речь пойдет именно о Билле.

– Поговорить. Всего-навсего. Раздобыть некую информацию, располагать коей может он один. Само собой, в идеале наш разговор должен состояться ДО того, как вы его сцапаете.

– Нужно полагать, информация касается ваших профессиональных интересов? – уточнил Фортс.

– Нужно полагать. Я не намерен о том распространяться.

– Билл не числится в Розыске, – зачем-то сообщил паренек. – И не будет объявлен.

– Конечно, – кивнул Блэйз. – Впрочем, всему свое время.

– Где гарантия, что вы его не убьете?.. Если, разумеется, ваша встреча состоится?..

– Разве у вас была такая гарантия, когда вы ступали на мой борт?.. – заметил Громобой. – Мне незачем убивать Билла. Однако, если он попытается меня обидеть, тогда...

Капитан помолчал.

– Направляясь сюда, вы знали, что мы окружили Билла блокадой. С какой стати давать пропуск?..

– С такой, что мое появление сыграет вам на руку. Не могу ничего обещать, и все-таки я попытаюсь уговорить его сдать. Это мой гражданский долг. – Охотник усмехнулся.

– Безусловно, – сказал Фортс, не скрывая сарказма. – До-

пустим, мы пропустим ваш корабль. Что, если вы обведете нас вокруг пальца, и вступите с Чугунным Биллом в преступный сговор?..

Троуп пожал плечами:

– Тогда, вероятно, это будет один из глупейших поступков за всю мою жизнь. Я разглядел вашу флотилию, и уяснил, что осада продлится недолго. Рано или поздно, Биллу придется сдаться на милость Закона. Какой прок в том, что я войду в сговор? Никакого. Одно судно ничего не решит. Эсминцы же, по-видимому, так и не появятся.

Парень вздрогнул, вспомнив о легендарном флоте.

– По-видимому. Но с чего вы решили, что Билли вас примет?.. Он параноидально осторожен.

– Собственно, ЭТО проверить проще всего. – Полуобернувшись, Блэйз указал на передатчик.

– Вы правы. Тем не менее, наша беседа – просто сотрясение воздуха. Мне необходимо связаться с руководством, – пояснил капитан. – Как прикажут, так и будет. Ничего не предпринимайте.

Развернувшись, налоговый направился прочь. Мичман и рядовые бросились вдогонку. По «хоботу» вновь загромыхали магнитные подковы, – на сей раз в обратном направлении.

Вернувшись в рубку, Громобой задраил шлюз. Мониторы в деталях продемонстрировали, как стыковочная кишка втянулась в соседнее судно, а маневрирующие двигатели неслышно затлели. Корабль легавых отодвинулся на

несколько десятков метров.

– Любопытный разговор, – сказала Кэт, появляясь. На ней был тот же полупрозрачный наряд. – Ты изощренно оскорблял молокососа, унизил в глазах подчиненных. Этого позора он так просто не спустит. Если нам дадут «добро», это будет крупной удачей.

– Напротив, это будет закономерно, – осклабился Троуп. – Я сделал все необходимое, чтобы юнец воспылал ко мне ненавистью, и, тем самым, протолкнул через блокаду.

Красотка со значением молчала.

– Не веришь?.. Послушай сама.

Охотник исполнил соло на клавишах передатчика. Сперва на мониторе не было видно ничего, кроме помех. Затем изображение стабилизировалось. Экран разделился надвое. Одну половину занимала физиономия молодого Форкса, другую – лицо персонажа, годившегося парню в дедушки. Пожилой господин носил густые усы и погоны полковника.

Парочка о чем-то говорила – беззвучно шевеля губами, словно рыбы. Повозившись немного с настройками, Блэйз устранил эту проблему. Изображение сопровождал ровный сигнал.

На всякий кодировщик найдется свой декодер.

– ...Он повел себя возмутительным образом, – сетовал капитан. – Наотрез отказался проходить досмотр. Угрожал каким-то странным оружием. Демонстрировал голограммы крайне непристойного характера. И вообще – выставил меня

в дурном свете...

– Полагаю, это оказалось нетрудно, – резковато ответил полковник. – Что ты за офицер, если не смог принудить судовладельца к досмотру?.. Он объявился не на какой-нибудь захолустной таможне, что не вызвало бы подозрений, а у милитаризованной блокады!..

– Я понимаю, сэр, – понуро сознался Фортс. – Однако, достойно выйти из данной ситуации не представлялось возможным. Если вы говорите, что следует провести досмотр, я, конечно...

– Отставить. Как, говоришь, его зовут?..

– Блэйз Троуп, – сказал парень, поглядев куда-то в сторону. – И прозвище есть – Громобой.

– Да, припоминаю. Он в своем роде звезда.

– Звезда, сэр?..

– Среди охотников за головами. Известная, в определенных кругах, личность. У них имеются свои поклонники, рейтинги и традиции. Это обособленная, специфическая каста.

Стрелок нежился в лучах собственной славы, достигшей и сих неблизких краев.

– Что из этого следует, сэр?..

– То, что твое отступление было позорным, но и единственно-верным решением, – сказал полковник. – С этим Троупом лучше не шутить. Что, собственно, ему понадобилось?..

– Переговорить с Чугунным Биллом. Добыть какую-то ин-

формацию. – Капитан покачал головой. – Мне кажется, это обманный ход. Охотник желает присоединиться к преступникам.

– Чушь. Он в той же мере служит Закону, что и мы. Его дело, впрочем, гораздо продуктивнее. Если он утверждает, что хочет пообщаться с Биллом, стало быть, ему это необходимо. Определенно, сведения призваны послужить благой цели. – Пару секунд пожилой офицер помолчал. – Кроме того, Блэйз – боец сухопутный. Зачем ему впутываться в космические сражения?.. Его посудина ничего не стоит против нашего флота.

Последняя фраза несколько уязвила Громобоя. Тем не менее, он в который раз уверился, что реноме – сильная вещь. Если посчастливится, перспектива взятки исчезнет.

– Разумеется, сэр. Но что, если... он убьет Чугунного Билла?..

– Это, признаться, облегчит нашу жизнь. – Усы скрыли улыбку. – Источник проблемы исчезнет, а имущество – останется. Ни процесса, ни сутяги. Все достанется Федерации.

– Понимаю, сэр. – Форте подобострастно улыбнулся в ответ. – Значит, можно без досмотра?..

– Пожалуй. Пропусти его.

Одна половина экрана потухла. На другой – физиономия паренька претерпевала странных перемен. Подобострастность стекла, словно вода, с кожи и мышц, обнажая неприязнь.

Дисплей померк.

Троуп, торжествуя, улыбнулся. Взятка (по крайней мере, на сегодня) отменяется.

На пульте замигал красный диод. Входящий сигнал.

– Да?.. – сказал охотник, выходя на связь. Он знал, кого увидит. – Борт «Versus» слушает.

Экран вновь высветил лицо капитана. На сей раз – в полный размер.

– Можете проходить. Для вас будет открыто окно. Однако, мы ни в коей мере не можем гарантировать, что орудия Билла не разнесут вас в клочья на первой же миле.

– Будьте покойны, я сам о том позабочусь. И все-таки, вы должны уведомить о моем визите.

Это проняло Фортса до самой печени. Побагровев, он сцепил зубы и тихо процедил:

– Я вам не привратник. Мои познания в собственных обязанностях несравнимо шире.

Disconnect. Блэйз принялся ждать.

Не прошло и пары минут, как дисплей вновь ожил. Ни кодировщиков, ни особой волны. Налоговик вышел на открытый канал, запрашивая верфи. Собственно, он так и заявил:

– Орбитальная станция, прием. Станция, прием.

– Да, в чем дело?.. – на вызов ответила какая-то заспанная физиономия, никоим образом не вязавшаяся ни с флотской дисциплиной, ни с осадным положением – в частности.

– Где Билл?..

– Это вы, легавые... – Физиономия зевнула. – Нету его. Решил передохнуть. Что передать?..

– Мне нужно переговорить лично с Биллом, – не отступал капитан. – Дело особой важности.

– Ага, капитулируете?..

– Напротив. К вам посетитель. Не знаю, чем обернется для вас этот визит, но он из Спирального Рукава, – доверительно проговорил Фортс. – Небезызвестная личность.

– Кто именно?..

Парень помедлил, будто раздумывая, нарушать ли тайну.

– Ладно, скажу. Блэйз Троуп по прозвищу Громобой.

– Боже!.. – Собеседник побледнел и судорожно огляделся (вероятно, решив, что охотник прибыл персонально за ним). – Я о нем слышал. Что ему понадобилось в наших краях?..

– Понятия не имею. Он так настаивал, что мы не смогли отказать.

– Погодите-ка, – опомнился юнец. – У нас тут преступников нет. Только злостные неплательщики.

– Вот именно. Значит, бояться нечего.

– Минутку. – На этой ноте связь прервалась.

Троуп потянулся. Эта история нравилась ему все больше и больше. Он сам себя недооценивал. Энджел Доусон – просто сопливый щенок, о котором слышали лишь преданные фэны.

Красавица ИскИн не произносила ни слова. Ее улыбка, впрочем, говорила лучше всяких слов.

Вновь вспыхнул красный диод.

На экране появился ни кто иной, как Чугунный Билл. Собственной персоной.

– Эй, кто меня спрашивал? Громобой?..

– Я здесь, Билл, – ответил Блэйз, выходя на связь. – Не могу признаться, что рад тебя видеть – наше знакомство было весьма специфическим. Однако, это приятная встреча.

– Что тебе нужно?..

– Информация. Мы поговорим, и я без промедлений улечу.

– Легавые, хитрые крысы!.. – Билл мрачно оскалился. – Отчаялись взять меня голыми руками, и решили подослать убийцу! К твоему сведению, я не числюсь в Межпланетном Розыске.

– Ты третий, кто мне сегодня это сообщает. Кроме того, я не убийца. Заурядный слуга Закона.

– А я – Санта-Клаус!.. – рассмеялся судостроитель (натянуто, без намека на веселье). – Знаем, как ты ему служишь. В твоём исполнении сухие строки становятся кровавым полотном.

– Такова жизнь. Хотя я бы сказал, что добавляю в Закон своего рода изюминку. Вино также красного цвета, – заметил Троуп. – Историю вершат самые обыкновенные люди.

– Довольно патетики, – морщится Билл. – Ради каких таких данных ты преодолел парсеки?..

– Не упускай из виду, что мы общаемся на открытом ка-

нале. В любом случае, я не доверю сколь либо ценную информацию радиоволнам. Нас слушает каждый легавый.

– Сволочи! – оскалился хозяин верфей. – Ценю твою щепетильность. Однако, ты беспокоился напрасно. Мне сейчас не до посетителей. Вдруг, на борту у тебя группа захвата?..

– Даю слово, что это не так, – сказал Громобой. – К тому же, именно СЕЙЧАС ты должен принимать визитеров. Не исключено, именно я помогу тебе выпутаться из данной ситуации.

– Каким образом?.. – нахмурился Чугунный Билл.

– Там будет видно. Бояться тебе нечего. Моя репутация говорит сама за себя. Пока Уголовный Розыск не заинтересовался твоей особой, для любого охотника ты неприкасаем. Мне безразличны потуги копов и налоговиков. Более того, в обязанности мне вменяется пресекать все неправомерные действия должностных лиц. От меня угрозы ждать не приходится. Следовательно, я могу только помочь. Оказать сильное содействие.

– Славно пишешь. Но что-то не верится.

Блэйз выдержал паузу.

– Ну, если так... У меня не остается других способов воздействия. Неужели ты хочешь, чтобы публика узнала, при каких обстоятельствах имело место наше знакомство?! Уверен, копы чрезвычайно заинтересуются этими данными, а проблем у тебя прибавится.

Мгновение судостроитель сверлил стрелка взглядом. Чер-

ные глазки тарасились с экрана. Затем Билл обмяк, словно машинка, работающая в его голове, приняла решение.

– Хорошо. Мы тебя впустим. Но если попытаешься выкинуть фокус – пеняй на себя.

– Согласен.

Лишь отключив передатчик, Троуп позволил себе улыбнуться. Пока все идет по намеченному плану. Возможно, дальнейшее общение пройдет не так гладко, однако...

– Отправляемся?.. – спросила Кэт. – Прямоком ко льву в пасть?..

– Ты напутала. Это лев приближается, разинув пасть.

– Ну да, разумеется. – Красотка сделала небрежную гримасу. – Надеюсь, ты понимаешь всю серьезность ситуации. Гангстеру нечего терять. Рано или поздно, его сцапают.

– Он не дурак, все отлично знает. Поэтому ему следует хвататься за любую соломинку.

– Видимо, ты в это поверил.

– Что я слышу?.. – поразился Громобой. – Не ты ли говорила, что нам без разницы, куда лететь, что нужно попробовать, и попытка не пытка?! А сейчас – упрекаешь в доверчивости?..

– Я всего-навсего ИскИн этой посуды, – парировала Кэтрин. – Что, в сущности, я могу знать?.. Мои функции – выведывать и анализировать. Решения – в твоей компетенции.

Блэйз открыл было рот, но, не сказав ни слова, закрыл.

Что на ЭТО можно ответить?..

Одним словом – женщина.

Отвернувшись, охотник поглядел в иллюминатор. Затем – на мониторы, предоставлявшие более широкий обзор. «ИскИн этой посудыны» успела включить двигатели, и «Versus» плавно двигался к верфям. Торпедный катер неотступно следовал по пятам – некоторое время, – затем, поравнявшись с каким-то ориентиром, застопорил ход.

Черный корабль продолжил путь в одиночестве. Троуп гадал, не включить ли отражающий слой, решив, в конечном итоге, что смена тактики выглядела бы дурным тоном. Флот провожал крохотное судно. Иллюминаторы и бортовые огни казались сотнями глаз, глядящими с недоверием и любопытством. Несмотря на полученное «добро», Громобой чувствовал себя весьма неудобно. Каждую секунду ждал оружейного залпа.

По мере удаления (и, соответственно, приближения к станции) перспектива менялась. Залпа все не было, и Блэйз закономерно начал опасаться сухих доков. Если налоговики в большей или меньшей степени ограничивали себя Законом, то от Билла можно ожидать любого коварства. Поэтому Кэт не спешила, придерживаясь малого хода, чтобы успеть, в случае необходимости, совершить уклоняющий маневр. Троуп же, выпучив глаза, разглядывал верфи. На лбу выступила испарина. И – немудрено.

Расстояние играло с восприятием нехорошие шутки.

Только теперь стрелок понял, что впутался в скверную историю (но обратного хода, к сожалению – либо к счастью – дать невозможно). Сокращаясь километр за километром, дистанция выявляла всю безмолвную жуть ситуации. Орбитальная станция была колоссальных, циклопических размеров. Тяжелое вооружение, в изобилии разбросанное по блестящей броне, производило неизгладимое впечатление. Орудия превращали сухие доки в гигантского ежа, ошетилившегося, вместо игл, толстыми стволами орудий. Торпедные же люки делали верфи похожими на эдакий улей, таящий в себе многие тысячи смертей.

Громобою мерещилось, что эти пушки – как вместе, так и по отдельности, – взяли на прицел персонально его. Пронзили сканерами обшивку, небрежно нащупали человеческое тело (казавшееся хрупким и незначительным в сравнении с такой огневой мощью). Блэйз мог заглянуть в единственный зрачок каждого ствола, увидев на дне нечто враждебное, устрашающее и завораживающее. Поэтому он старался не глядеть.

Меж стенок черепа, точно назойливая мошка, билась одна неприятная мысль. Если подобной мощью, – нависшей над звездолетом, готовящейся вот-вот пробить иллюминаторы, – располагал всего-навсего судостроитель Януса, то какими (!!) ресурсами владел сам Многоликий? Догадки подступали к пределам фантазии грузными тенями.

Сближаясь с необъятной конструкцией, Троуп замечал,

что орудия и торпедные люки бессильны скрыть первоначальное назначение доков. А именно – постройка судов. Шлюзы, насколько возможно, прикрыли хрупкие внутренности, но скрыть саму природу не удалось. То здесь, то там меж наслоений брони и частокола стволов выглядывали стапели, паллеты, продольные оси, направляющие балки, а также краны, предназначенные для работы в вакууме. Еще недавно здесь велась активная деятельность.

Но с недавних пор предприятие Билла переживало далеко не лучшие дни.

Громадина верфей надвигалась на «Versus» все ближе, будто норовила раздавить ничтожного червя. Тем не менее, с каждой секундой Громобой все больше расслаблялся. Приближаясь, он выходил из зоны поражения большинства орудий. Оставалось, впрочем, еще достаточно, чтобы за сотые доли секунды разнести корабль в клочья.

Прямо по курсу вспыхнули сигнальные буи. Протянувшись плавной дугой, они указывали вектор поворота. ИскИн включила маневрирующие двигатели. «Versus» сбавил ход и принял крен вправо. На дистанции в сотню метров – считанные пустяки, – разошлись бронированные створы. В масштабе станции шлюз был небольшим, почти не приметным. Но для черного судна проем оказался огромных, колоссальных размеров.

Так песчинка падает в прорубь.

Блэйз держался за поручни, и, разинув рот, выглядывал в

иллюминаторы. Проем проплыл мимо. Толщ, мощь, непоколебимость. Створы начали смыкаться практически мгновенно. Собственно, они раздвинулись на десятые доли полного охвата, чего более чем достаточно для худосочного гостя. Метр за метром, пока за кормой не исчезла тонкая щель. Ее гибель сопровождал глухой звук, посеявший в душе Трoупа сумбур.

Подсознательно он знал, на что похож этот звук. Консервацию алюминиевого гроба, в просторечье именуемого «последний приют астронавта». Кто слышал, уже не забудет.

Какое-то время «Versus» качался на волнах невесомости. Затем его мягко, но уверенно подхватила гравитация. Громобой тут же почувствовал разницу (не сумев, вместе с тем, ее выразить) – как на смену локальному притяжению звездолета пришла внешняя, куда более могучая сила. Кэт также это смекнула, и выключила установку.

Появились звуки. Акустическая среда – то, чему не место в Космосе. Звуковые волны проникали в корабль по металлическим опорам, удерживавшим днище. Гудение огромных машин: пронзительные сирены; скрежет кранов и створов. В определенный момент на смену этому хаосу пришло постоянство – громкое, оглушающее шипение. Вопреки ожиданиям, оно поступало не посредством переборок и обшивки, а ПОМИМО них. Упрямо рвалось в посудину, потому как несло звуки непосредственно в себе.

Воздух.

Билл был столь расточителен, что заполнял шлюзовую камеру, казавшуюся воистину необъятной, средой, пригодной для дыхания. Блэйз не усмотрел в этом ни малейшего смысла. Он мог облачиться в скафандр и пройти остаток пути на своих двоих. Но судостроитель, очевидно, стремился произвести впечатление. Показать, что блокада – сколь либо длительная – ему нипочем. Что он может позволить себе выбрасывать в Космос многие кубические метры кислорода. Определенно, стрелок этого не понимал.

Тем не менее, мешкать не следовало. Огромный шлюз запер «Versus» внутри станции, и не было пути назад, кроме как через переговоры. Для этого требовалось выйти наружу.

Несколько минут Троуп уделил сборам. Оправил кобуры, и, подумав, набросил легкую куртку. Направившись было к шлюзу, неожиданно для себя самого свернул в оружейный отсек. Там, помимо прочего огнестрельного, взрывоопасного и лазерного изобилия, в Особом ящичке хранились Особые обоймы. Пистолетные, помеченные красным маркером. Один из таких магазинов охотник взял с собой, сменив тот, что был в пистолете.

Лишь совершив эти приготовления, Громобой позволил себе подойти к двери шлюза.

За спиной неслышно появилась стройная фигурка. В схожих ситуациях боевые подруги бросаются на шею. Голограмма не могла этого сделать – по очевидным причинам.

– Ты уверен, – тихо спросила она, – что все будет в порядке?..

– Нет, – честно ответил Блэйз. – Не уверен. Наши шансы куда лучше известны тебе.

– Разве было иначе?.. Наши шансы...

– Не нужно. Скоро узнаю сам. – Троуп взялся за рубильник.

– Удачи, милый. Я буду с тобой.

– Разве было иначе?.. – прошептал стрелок, когда видение исчезло.

Рубильник опустился. Замигали огни; створки разъехались. Громобой прошел в камеру и дождался, пока восстановилась герметизация. Прямо по курсу образовалась тонкая брешь. Она плавно расширялась до тех пор, пока в нее не смог протиснуться Блэйз.

И – поспешно устранилась.

Охотник остался один, прижавшись к обшивке собственного судна. Воздух доков оказался непривычно прохладным. К приятным ароматам примешивались запахи металла и машинного масла. Как будто посреди хвойного леса громоздилась куча старого железа.

«Versus» находился в одном из доков, оказавшемся заведомо большим для подобной крошки. Длинная кишка, закругленные стены которой состояли из металла и сварных швов. Единственный кран говорил о том, что этот участок использовался в большей степени для стоянки и незначи-

тельного ремонта, нежели судостроительной суеты.

К звездолету протянулся узкий трап. Троуп шагнул вперед, но тут же изменил решение, и прижался с обшивке (такой твердой, такой надежной) своего корабля.

За балками мелькнул силуэт.

Вот опять. Зеленая кожа. Лапы феноменальной длины, почти достающие колен. В одной – Громобой не сомневался в увиденном, ему хватило короткого взгляда – Иной держал бластер. Выглянув на мгновение из-за балки, незнакомец вновь скрылся из виду.

Собственно, Блэйз держался начеку сугубо по привычке. А также потому, что на этом настаивал здравый смысл, помноженный на долгую практику. Стрелок был здесь в гостях, что, впрочем, не гарантировало достойного приема. Обстоятельства, мягко говоря, заставляли держаться настороже. И – вот подтверждение, – не без оснований.

Троуп вжался в броню и осторожно выглянул. Пальцы механически обхватили рукояти. Зеленый гад не показывался. Следовательно, замыслил недоброе. Придется отбиваться.

В считанных дюймах от обшивки (и, соответственно, от Громобоя) пронесся синий луч. Пахнуло озоном. Лазер умчался ввысь, где и рассеялся. Звездолет тут же сменил окраску, превратившись из матово-черного в блестящего и хромированного. Блэйз, само собой, команды не давал: у него нашлись иные заботы. В частности, выжить.

В передатчике, спрятанном в правом ухе, раздался мело-

дичный женский голосок:

– Вижу противника, милый. Не менее дюжины.

– Еще бы, – буркнул Троуп. – Где они?..

– Прямо по курсу. Двое – на одиннадцать часов, трое – на двенадцать. Еще пара – на четырнадцать. Прячутся за балками. Остальные сгрудились в тылу. Вероятно, резерв.

– Вероятно. Уроды.

– Мой долг – предложить укрытие. Я открою шлюз, и ты, совершив перебежку, окажешься дома...

– Отставить! – раздраженно бросил Громобой. – С каких пор легендарный охотник, обезвредивший не один десяток рецидивистов, удирает от кучки мерзавцев?.. Кроме того, они поджарят меня, точно индейку, едва я сделаю шаг. Превратят в горячий пар.

Он умолчал о том, что бегство ничего не решит. Гигантский шлюз не откроется.

– Возможно, – согласилась Кэтрин, будто речь шла о чем-то обыденном и тривиальном. – Твои шансы – один к восьми. Я, конечно, предоставлю огневое прикрытие, но...

За балками мелькнули фигуры. Блеснул лазер – на сей раз в нескольких футах. Судя по всему, «штурмовики» опасались визитера еще больше, нежели тот – их. И – не напрасно.

– Вот подходящий случай... – ИскИн загадочно притихла.

Взвизгнул, вращаясь на холостых оборотах, турельный пулемет. Ему требовалось разогреться, послать в патронники заряды, чтобы ударить уничтожающим шквалом...

– Нет!.. – крикнул Блэйз. – Тебе известно, КАКИЕ здесь стены?..

– Наверняка? Судя по преломлению...

– Вот именно. Когда будешь знать НАВЕРНЯКА, тогда и используй тяжелое вооружение.

– Фу, противный. – Кэт обиделась, словно ей помешали развлечься любимой игрушкой.

– Лучше думай, как выбираться из этой ситуации.

– Еще скажи, что я ВО ВСЕМ виновата, – по-женски сетовала ИскИн. – Неблагодарный.

– Нет. Но и твоя вина, согласишься, присутствует.

– Что?!. МОЯ?!. – воскликнули в крохотном динамике. – Я выполняла свою работу – не больше, не меньше. Сообщила, что есть перспективы. Уточнила, что возможен риск. Никто не говорил, что трап будет усыпан розами, а твое появление вызовет бурю оваций!..

У Тroupa возникло чувство, что данная перепалка – не ко времени, не к месту, и не к ситуации в целом, – приличествовала бы, скорее, женатым парам, прошедшим немало лет совместной жизни.

– Ну-ну, хватит, – примирительно сказал Громобой. – А то у тебя платы раскалятся.

Он не шутил – иногда такое и впрямь случалось. Каким-то образом индивидуальность (и, чего греха таить, своеобразный характер) Кэтрин отражалась на производительности.

– Что?!. Да я, я... – с придыханием начала виртуальная

девица.

– Помолчи, милая. Это приказ.

Динамик моментально притих. Оспаривать приказы – во всяком случае, пока – ИскИн не решалась.

Блэйз вытащил пистолет, снял с предохранителя. Тяжелым вооружением он пренебрег не только потому, что опасался за прочность здешних переборок. Пулемет – топорное, неэстетичное, малоэффективное средство, – лучше оставить напоследок. Когда не останется другого выхода. А пока следовало подсуетиться. Проявить себя.

Стрелок выглянул из-за своего ненадежного укрытия. Чутье подсказало подходящий момент.

Двое нападающих замыслили совершить перебежку. (Кэт, обидевшись, ничего не сказала.) Поджарые, с серой кожей и схожими лицами, странные черты которых ТROUPУ что-то смутно напомнили. Раздумывать не было времени. Охотник шагнул в сторону и поднял левую руку. Серые личности, обнаружив противника, замерли с дурацкими выражениями – даже мимика оказалась одинаковой – на лицах, и попытались дать задний ход.

Слишком поздно.

Громобой вдавил гашетку. Оружие рявкнуло. Отдача толкнула ладонь.

Пуля вошла в правую половину груди одного из странных субъектов. Вопреки ожиданиям, рана не заклокотала вспышкой крови и розовых пузырей, выходящих из пробитого лег-

кого. Вообще ничего красного. Ни единой капли. Лишь желтые искры. И обрывки проводов.

Наблюдение заняло доли секунды. Блэйз не думал, не сомневался. Трудно даже сказать, что он реагировал. Просто пистолет в его руке поднялся выше, будто так и положено. С самого начала. Черный ствол привычно взял прицел. Между мушкой и мишенью протянулась невидимая, прочная нить. Этот момент, и сам выстрел слились воедино.

Переносица серолицего превратилась в большую дыру, из которой, опять же, хлынули икры, и тонкой спиралью курился дымок. Глаза субъекта закатились (отчего-то черными бельмами), и безжизненное тело, выронив бластер, повалилось на пол.

Собственно, в нем не было ни толики жизни и прежде.

Троуп выстрелил вновь – до того, как оружие, оставшееся без хозяина, произвело своим падением звонкий звук. За мгновение до этого меж стальных переборок прокатился гром.

Пуля попала туда же, что и предшественница. Второй противник отправился в последний полет.

Стрелок опустил руку и нырнул под защиту брони. В следующее мгновение – глупцы, целая вечность, – мимо пронеслись несколько разноцветных лучей. Они отражались зеркальной поверхностью, создавая эдакое подобие лазерного шоу. Столь же безобидного.

– Рисковый маневр, – прокомментировала ИскИн. – Но

выстрел удачный. Для такого засранца.

Громобой вернул пистолет в кобуру, и достал другой. «Правый». Чей магазин помечал красный маркер. Перехватив оружие левой рукой, охотник дернул затвор. Патрон в патроннике.

– Ты не удосужилась известить, что это роботы. Твои сканеры скоростнослепительно ослепили?..

– Вроде того. Кроме того, ты сообразил едва ли не прежде меня.

– Сколько еще?..

– Вижу троих, – сообщила Кэтрин. – Ничего необычного. Мешанина электронных потрохов. Насчет остальных гарантии нет. Переборки создают помехи. Впрочем, у тебя глаз наметанный.

В этом присутствовала доля истины. Опытному человеку не составит труда отличить подлинного собрата от подделки, – андроида. Серые физиономии сразу же заронили сомнения.

– Они перешли в наступление. Четверо. Машины – все, до единого.

Блэйз рефлекторно кивнул.

Резко выглянул, и вновь нырнул в укрытие. Рядом пронеслись смертоносные лучи. Прикрывали тех, кто (или «что») «перешли в наступление». Этого-то Трупп и добивался. Стрелки обнаружили себя, отчетливо обозначили позиции. Ведь Громобой избрал мишенями отнюдь не тех, что «в на-

ступлении», но тех, что прикрывали.

Задержав дыхание, Блэйз отступил от брони. Пистолет рывкнул дважды. Пули поразили цели. Первая разворотила неосторожно выставленное плечо – обрывки разноцветных проводов и осколки плат. Вторая оторвала руку по локоть, – обломки сустава и бесцветная жидкость, хлещущая из разорванных трубок. Оба робота вышли из строя.

Не пытаясь укрыться, Троуп повернул ствол под более острым углом. Серые личности оказались в невыгодной позиции. Без прикрытия, посреди безнадежно открытого пространства. Перед электронными глазами, вероятно, пронеслись все их короткие роботизированные жизни, полные чужих приказов и безропотного подчинения.

Андройды пытались отстреливаться, но охотник не обращал внимания. Оружие в его руке вновь выпустило цепкие невидимые щупальца, впившиеся аккурат в лобные доли мишеней. Выстрелы, один за другим, сливающиеся в нестерпимое крещендо. Разрывные пули поразили цели. Машины падали на пол, отброшенные силой ударов.

Четверо. Все, до единого.

Пули пробивали лобовые пластины, ввинчивались в электронные мозги, после чего взрывались. Безжалостно, губительно, всесокрушающе. Стальные черепа превращались в развороченные, дымящиеся дыры, на дне коих, затухая, мерцали разноцветные огоньки (этот свет отмерял последние секунды кибернетического подобия жизни). Словно консерв-

ные банки, неосторожно открытые грубой, могучей рукой.

Громобой шагнул за броню. Ствол пистолета удовлетворенно источал белесый дымок.

Некоторое время в гавани царила тишина. Ни голосов, ни шипения бластеров. Ничего. Это говорило о том, что ситуация идет на поправку, либо, напротив, стремительно портится.

– А вот виновник торжества, – раздалось в наушнике.

Блэйз осторожно выглянул. Действительно – из-за переборки, не таясь, выходил Билл.

– Значит, ВСЕ.

– Не уверена. Это какой-то злокозненный фокус.

– Наш Билл – параноик, – напомнил Троуп. – Никогда не полез бы под пули. Даром что Чугунный. Следовательно, стрельба завершена. Во всяком случае, пока он у нас на мушке.

– Ой ли?.. Разве в наши дни стоит труда сотворить андроида – по образу и подобию?..

– Нисколько. Робот, идентичный оригиналу – это уже шизофрения. Не профиль Билла. – Громобой помедлил. – Не вяжется с манией преследования. Перед нами – хозяин доков...

– Эй, охотник!.. – раздался зычный голос.

Блэйз выглянул. Чугунный Билл, – собственной персоной, – стоял перед звездолетом. Безоружный. Впрочем, оружие стояло по обе стороны, на своих двоих. Судостроителя

окружали четыре андроида. Машины с силиконовой кожей, скрывающей электронно-металлический каркас. Руки – пусты. Бластеры покоились в плечевых и набедренных кобурах.

– Чего?..

– Выходи. Потолкуем. Ты – мой гость.

– У вас принято встречать гостей шквальным огнем?..

– Прошу прощения, – раздался негромкий смешок. – У нас давненько не было гостей. С тех пор, как легавые крысы обложили станцию. Я мог бы солгать, что охрану не предупредили о твоём визите. Это, конечно, была бы ахиня. Ты должен понять мою осторожность. Копы не пропускали никого, пока, дескать, не появился сам Громобой. Мне следовало убедиться, что это ты, а не засланный убийца. Если это действительно ТЫ, тебе ничто не грозило. Более того, ты без особого труда отразил бы атаку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.